ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

СТАРШИЙ ОБОРОТЕНЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

Максим Есаулов
Андрей Романов

Андрей Романов
Максим Есаулов

Старший оборотень по особо важным делам

Серия «Любимый детектив»
Серия «Ментовские войны», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165177
Старший оборотень по особо важным делам: Издательский Дом «Нева»; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-7273-2

Аннотация

«Храни меня Господь от друзей, а с врагами я разберусь сам» – таков лейтмотив всех сезонов популярного телесериала «Ментовские войны», созданного на основе произведений известных авторов и сценаристов Максима Есаулова, Андрея Романова и Сергея Майорова… Криминальный авторитет Герман Дробышев, по кличке Моцарт, решил передать в руки закона двух разоблаченных киллеров. После этого жизнь начальника «убойного» отдела Романа Шилова, ведущего это дело, круто перевернулась. Он и представить себе не мог, что тот клубок, который он стал распутывать, окажется таким огромным. На него объявили охоту самые мощные преступные группировки

города. Ужаснее всего то, что бандитам покровительствует кто-то из коллег Романа (экранизирован в▫2004▫году, режиссер Павел Мальков, в главных ролях: Александр Устюгов, Дмитрий Быковский, Анна Мишина).

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	24
Глава 4	40
Глава 5	59
Глава 6	78
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Максим Есаулов, Андрей Романов Старший оборотень по особо важным делам

* * *

© Есаулов М., Романов А., при участии Майорова С., 2018
© ООО «Издательство «Вече», 2018
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Глава 1

Шилов не любил убийц. Эта холодная ненависть ослепила его еще в детстве, когда пацаны позвали посмотреть на повешенную одним из них кошку. Шилов посмотрел, развернулся и ударил ухмылявшегося убийцу. Тот был старше и сильнее, но отступил под бешеным напором. Шилов бил его каждый день. Парень боялся пожаловаться родителям, прятался, но Шилов терпеливо ждал. Семья парня в конце концов вынуждена была переехать. Кошек во дворе больше никто не обижал.

Много позже Шилов где-то вычитал, что лицейский «дядька» Пушкина в свободное время промышлял разбоем на дорогах и загубил немало душ. Когда за ним пришли жандармы, он повалился в ноги лицеистам, просил пожалеть. «Как же тебя жалеть? – спросил юный Кюхельбекер. – Ты людей убивал…»

Шилов не любил убийц. А в городе убивали. И самое гнусное, убивали умело. Будто кто-то невидимый поставил дело на поток.

* * *

– Ты это читал? – Начальник Главного управления внут-

ренних дел поднял стопку лежавших перед ним газет, взвесил их на руке так, словно весом определялась их главная ценность, и бросил на длинный стол для совещаний, сбоку от которого стоял начальник УУР[1].

Газеты скользнули по полировке и легли веером. Громов методично подровнял их, выхватывая глазами заголовки и обрывки текста. Потом ответил с незаметной усмешкой:

– Некогда. Работаю.

– Некогда? А у меня каждое утро начинается со звонка из министерства. Двенадцать резонансных убийств за полгода! И все на контроле в Москве!

Генерал раздраженно бросил очки и поднялся. Сунул руки в карманы форменных брюк с широкими лампасами, прошелся по кабинету. Громов, не сходя с места и продолжая выравнивать пачку газет, следил за ним взглядом. Три шага вправо, три шага влево. Три шага вправо, три шага влево. Три шага вправо… Генерал остановился и, глядя на Громова так, будто видел его чуть ли не в первый раз, почти спокойно спросил:

– Когда раскрывать начнешь?

– Работаем…

– Работай, Юрий Сергеич, работай. Пока нас с тобой не послали. – Генерал на секунду задумался, подбирая, видимо, место, куда их с Громовым могут послать, и закончил довольно-таки неожиданно: – Машины мыть!

---

[1] Управление уголовного розыска.

Глава 2

Мощная струя воды окатила капот ярко-красной «альфа-ромео».

Девушка лет шестнадцати, в бейсболке, синем комбинезоне и резиновых сапогах ловко управлялась с тяжелым упругим шлангом.

Стоя с чашечкой кофе в руках, Роман Шилов наблюдал за ее работой через большое окно конторки.

Шилов обернулся к хозяину мойки:

– Что, Жора, детей начал эксплуатировать?

Хозяин тоже пил кофе, только не у окна, а за высокой стойкой с кассовым аппаратом, и его расплывшаяся фигура занимала там почти все свободное место.

– У этого ребенка уже своих двое. Если бы не я, они бы орали от голода.

– Благодетель, значит.

– Чего не помочь, если просят?

Опустив шланг, девушка оценила результаты своей работы, заметила непорядок и, подойдя ближе, окатила водой большую треугольную эмблему на «морде» машины. Выключила воду, повесила шланг. Взяла тряпку и Т-образный скребок и стала протирать лобовое стекло. Потом обратила внимание на висящий внутри салона на зеркале талисман, замедлила движения и улыбнулась. Добродушный толстень-

кий Будда в обнимку с автоматным патроном раскачивался на блестящих золотых ниточках и, казалось, подмигивал ей в ответ.

Шилов отошел от окна:

– А мне по старой дружбе поможешь?

Жора мгновенно отозвался:

– Для тебя все, что хочешь.

За спиной Жоры были застекленные полки с мелкими запчастями и автохимией. Глядя в свое отражение, Шилов поправил галстук и, ставя пустую чашку на стойку, сказал:

– Патроны для «беретты».

– Ром, ты же знаешь, я от дел отошел!

– Ну, ты отошел, а люди остались.

Опустив глаза, Жора принялся задумчиво мешать ложечкой в своей чашке. Шилов наблюдал за ним с легкой усмешкой. Когда молчание затянулось, он сказал:

– Да ладно, не парься! Да – да, нет – нет.

Жора отозвался со вздохом:

– Попробую.

Доставая бумажник и отсчитывая купюры, Шилов пояснил:

– Я б тебя не грузил, да у меня канал накрылся, человечек подсел. А мне на этом рынке, сам знаешь, светиться ни к чему.

– А мне «к чему», да? – Возмущение Жоры было формальным; на самом деле он уже начал прикидывать, какими

ходами воспользоваться, чтобы выполнить просьбу, и с какой ответной просьбой можно будет потом обратиться.

Шилов выложил на стойку несколько пятидесяти- и стодолларовых купюр:

– Десять пачек.

– Сколько?!

– Руку надо держать в тонусе.

– Красиво живешь. – Жора убрал деньги в нагрудный карман потертой спецовки.

– Стараюсь.

– Сейчас небось на свиданку покатишь?

– С чего ты решил?

Жора усмехнулся. По его мнению, светлый костюм и черная рубашка с элегантно приспущенным галстуком однозначно свидетельствовали о том, что человек настроился отдохнуть, а не заняться работой. Как отдыхает Шилов, ему было давно известно.

– Завидуешь? – Роман с улыбкой потянулся за сотовым телефоном, пропевшим сигнал приема SMS-сообщения.

– Радуюсь, за хорошего человека.

Шилов нажал кнопочки, вывел на экран текст сообщения: «Извини, все отменяется. Мой вернулся».

Прочитав, тут же стер текст и раздосадованно посмотрел на Жору:

– Сглазил, черт бородатый!

– Что, обломала? Это бывает…

Не отвечая, Шилов одной рукой запрятал мобильник в карман, а другой потянулся к обычному аппарату, стоящему на стойке рядом с кассой. Жора подтолкнул телефон в его сторону, вздохнул и, тяжело неся впереди себя огромный колыхающийся живот, покинул конторку, чтобы посмотреть, как его работница справилась с «альфа-ромео».

Шилов позвонил Сереге Соловьеву. Как всегда, тот сорвал трубку на первом гудке и энергично ответил:

– Внимательно!

– Серый, у меня тут свиданка сорвалась. Шары покатаем?

– Извини, Рома, халтура. АЗС на Блюхера. Если что, приезжай, я заправлю.

– Девчонки там симпатичные?

– Еще не видел, я там первый раз. Посмотрю – отзвонюсь.

– Договорились.

Соловьев что-то ответил, но его заглушил какой-то громкий треск и истошное кошачье мяуканье. Роман усмехнулся, подумав, что опять Серегин Рыжий проказничает, мешая хозяину готовиться к ночному дежурству. Шилов ненадолго задумался, перебирая в уме, кому бы еще позвонить. Набрал номер Стаса Скрябина:

– Это я. Как насчет локального загула?

– Спасибо, я уже по уши в загуле. Мать со Светкой снова сцепились.

– А если тихо слинять?

Стас, видимо, развернул свою трубку, и Шилов услышал

женские голоса, доносившиеся очень отчетливо, несмотря на то что – Шилов это знал – телефонный аппарат висит на стене коридора квартиры, а все разборки между женской частью скрябинской семьи происходят в дальней комнате матери, где она уже больше года лежит полупарализованная.

Реплики напоминали обмен ударами, которыми обе стороны обменивались по инерции и никак не могли остановиться.

– Потерпи, потерпи, недолго осталось. Помру – отдохнете!

– Господи, да ничего я вам такого не говорила! Имейте же вы совесть!

– Ты мою совесть не трожь! Я в жизни никому зла не сделала!

М-да, лучше бы не звонил…

– Алло, ты меня слышишь? – спросил Стас. – Так что миротворческие войска выводить из зоны конфликта нельзя, иначе будет полный звездец. Извини!

– Ну, тогда удачи!

Шилов отодвинул от себя телефон, побарабанил пальцами по стойке. Скрипнула открывающаяся дверь и в конторку вошел Жора:

– Готова твоя зверюга.

Шилов спрыгнул с высокого табурета, на котором устроился пока звонил, и, доставая бумажник, подошел к хозяину мойки:

– Сколько с меня?

– Ты что, с дуба рухнул?

– Ну, тогда спасибо! – Шилов пожал ему руку и вышел из конторки.

Девушка-мойщица приводила в порядок свой инвентарь и на появление клиента внимания не обратила. Шилов протянул ей купюру:

– Держи! Как твоих короедов зовут?

– Сашка и Машка. – Девушка поправила челку, выбивающуюся из-под шапочки.

– Купи им конфет. Побольше и покрасивее.

– Спасибо…

Шилов подмигнул ей, сел в машину и задним ходом выехал из моечного бокса. Эффектно развернулся и уже собирался дать по газам, но замер, вглядываясь сквозь лобовое стекло.

Дисциплинированно дожидаясь, пока над воротами мойки загорится разрешающий въезд зеленый сигнал, за рулем небольшой иномарки сидела симпатичная девушка.

Лет двадцати четырех, то есть почти на десять лет младше его самого, темные волосы до плеч, приятное и обманчиво-простое лицо. Тачка тысяч за пятнадцать «зеленых». Похоже, что на машину она сама заработала. Кто она по профессии? Экономист? Юрист? Во всяком случае, в этом плане она крепко стоит на ногах. А вот в личной жизни ей не везет, это тоже заметно.

Шилов подъехал и остановился так, чтобы водительские

дверцы их машин оказались рядом. Опустил стекло и, улыбаясь, как хорошей знакомой, высунулся из окна.

Чуть подумав, девушка тоже опустила стекло.

– Добрый вечер! Как вы? – заботливо спросил Шилов.

Девушка слегка растерялась:

– Вы, наверное, обознались. Я, по-моему, вас раньше не видела.

– Как же так? Я вас каждую ночь вижу во сне. – Последнюю фразу Шилов произнес совершенно серьезно.

Девушка на мгновение замешкалась с реакцией. Потом все же улыбнулась:

– А сны, я надеюсь, у вас не кошмарные?

– О чем вы говорите!

– «Мы стоим на берегу моря, закат… И я тихонько напеваю вам…»

Шилов напел пару строк из песни Эдит Пиаф. Старания мамы, учительницы французского, не пропали даром, за что Шилов был ей искренне благодарен. Несколько фраз на французском сногсшибательно действовали практически на всех представительниц прекрасного пола.

Девушка улыбнулась, подхватила и допела куплет вместе с ним. Шилов рассмеялся.

– Это судьба. Кладу жизнь к вашим ногам.

– Спасибо. Но я замужем. – Девушка подняла правую руку и показала обручальное кольцо.

Шилову стало грустно. Девушка нравилась ему все боль-

ше. И почему-то он чувствовал, что на интрижку она не пойдет.

– Как же мне не везет сегодня!

– Наверное, не ваш день, – с сочувствием произнесла девушка и первой нажала кнопку электростеклоподъемника.

– Очень жаль, – вздохнул Шилов.

– Мне тоже. – Над воротами давно горел зеленый сигнал, и, одарив Шилова прощальной улыбкой, девушка стала медленно заезжать в моечный комплекс.

Роман смотрел на нее в зеркало, пока не закрылись ворота. Потом слегка толкнул пальцем фигурку Будды и грустно подмигнул ему, словно жалуясь: «Не везет нам сегодня. Сделал бы что-нибудь, а? Ты же можешь!»

Будда, как всегда, не ответил. Только невозмутимо раскачивался на позолоченных нитях и обнимал автоматный патрон.

* * *

В подвале оздоровительного комплекса шел допрос.

Миша Краснов был подвешен за руки на какой-то водопроводной трубе. Она была раскаленной, но боли от ожогов Миша не чувствовал: у него было отбито все тело, а в голове гудело, как в пустом котелке, и по сравнению с этой болью жгущая руки труба казалась не стоящей внимания мелочью.

Сколько продолжался допрос?

Мише казалось, что всю жизнь. Что он так и родился, подвешенным за руки. И что так и подохнет, харкая кровью после каждой серии ударов под ребра и в голову и не в силах разлепить затекшие глаза.

Так и подохнет…

Скорей бы!

Все равно выхода нет. Ясен пень, что из этого подвала у него только один выход – ногами вперед. И никто не узнает, где могилка его… Закопают в лесу или отправят на дно Невы рыбок кормить. А скорее всего, сожгут в топке – когда его тащили в этот подвал, он успел заметить в соседнем помещении кочегарку с большими котлами.

Именно там вроде пытают его напарника Димку. Как он держится? Зарабатывает легкую смерть, честно говоря обо всем, о чем спросят, или тоже придерживается версии, заранее приготовленной на случай провала? Версия, кстати, не очень. Когда ее готовили, казалось – если что, она прокатит. Не прокатила. Наверное, из-за того, что когда ее сочиняли, то сами не верили в возможность наступления этого «если что». А оно наступило…

На чем они прокололись? Сами допустили оплошность или просто у этого чертова Моцарта охрана оказалась настолько профессиональной, что с ними изначально не стоило затевать игры?

Два удара – слева по селезенке и справа в скулу – оповестили, что короткая передышка, данная Мише для раз-

мышлений, закончилась. Удары были не слишком сильными и прицельными – видать, и допрашивающие притомились. Оно и понятно, столько времени руками махать.

Как там Димка? В их спарке он всегда был послабже. Если кто из них и расколется, то Димон будет первым…

– Эй, не спать! – Лысый бугай, который бил справа, рывком за волосы задрал Мишину голову.

Краснов с трудом разлепил один глаз. Картинка была мутной и плавающей. Но он все-таки различил, что перед ним в черном плаще и с блокнотом в руках стоит Хрипунов – начальник личной охраны Моцарта, о котором их с Димкой предупреждали на инструктаже перед заданием. Судя по выправке, жесткому выражению лица, возрасту – где-то за сорок – этот Хрипунов прошел хорошую школу в органах. Или милиция, или госбезопасность. Знает, что и как делать. И не привык марать руки – за все время допроса ни разу сам не притронулся, только давал отмашки двоим костоломам, когда бить, а когда отойти покурить, чтобы не могли слышать его вопросов.

– Все? – спросил Хрипунов, глядя в окровавленное лицо Миши.

– Все…

– Не слышу.

– Все! – выдохнул Миша, насколько мог четко.

– Ну что же, проверим. – Дав костоломам какой-то знак, Хрипунов ушел.

Через десять минут, по дороге заглянув в другую часть подвала, где допрашивали напарника Миши Краснова, Хрипунов поднялся на первый этаж, в небольшой зал с тренажерами.

Там был только Моцарт. Одетый в майку и спортивные трусы, он бежал по механической «дорожке», внимательно наблюдая за показаниями электронных приборов, контролирующих нагрузку.

– Не раскалываются, – доложил Хрипунов. – Говорят, подошел какой-то мужик, дал денег, просил проследить. В общем, хреновина какая-то. Ломать их как следует?

– Сколько им лет?

– По двадцать два.

Моцарт выключил тренажер и взял с поручня полотенце. Как и многие бывшие спортсмены, в годы боевой молодости носившие слишком короткие стрижки, Моцарт, став легальным бизнесменом, отрастил длинные волосы. Промакивая их полотенцем, он подумал, что здоровье совсем стало ни к черту, что тело человека – очень хрупкая штука и что жизнь потерять легче, чем думают многие. И неважно, будет ли это больная печень или пуля в затылок. Разрушить легко, а вот вернуть… Иногда Моцарт жалел о том далеком дне, когда его скрипка хрустнула под ногами дворовой шпаны, а он сам, размазывая кровавые сопли, поклялся отомстить. «Как много в жизни может определить всего один день», – подумал он.

Моцарт пожаловался Хрипунову:

– Печень совсем ни к черту стала. – И тут же, без перехода, отдал приказ: – Найди мне Шилова сейчас же.

– Кого?

Моцарт бросил полотенце и впервые за весь разговор посмотрел Хрипунову в глаза. Пятнадцать лет назад такой взгляд заставлял противников Моцарта психологически проигрывать поединок еще до начала схватки на ринге.

– Шилова. Ты его прекрасно знаешь. И не тяни. – Моцарт включил тренажер.

– Хорошо…

Под звук разгоняющейся «дорожки» Хрипунов покинул зал. Лицо его выражало недоумение.

* * *

Шилов ехал в бильярдную на Васильевском острове, когда раздался звонок сотового телефона:

– Рома, это Джексон. Димку-Маузера завалили.

– Где?

– Во дворе возле дома. Я уже здесь.

– Еду!

Выругавшись, Шилов развернул машину на пустой темной улице и погнал в другой конец города.

Маузер лежал ничком, слегка раскинув руки. Одежда на спине потемнела от крови. В свете фар милицейского уазика

блестели мокрые волосы на затылке – видимо, тоже кровь, из раны от контрольного выстрела.

Над трупом стоял Джексон – здоровенный, бритый, в свернутой козырьком набок кепке, с бутылкой темного пива в руке. Рядом с ним незнакомый Шилову следователь прокуратуры писал протокол.

Джексон протянул для пожатия руку:

– Здорово.

– Виделись, – машинально отозвался Роман, хлопая его по ладони. – Как?..

– Ходил к ларьку за пивом, на обратном пути двое догнали. Шесть выстрелов в спину и контрольный. Говорят, он неделю пил по-черному… Ты его хорошо знал?

– Хорошо. – Шилов присел рядом с мертвым телом на корточки.

Голова Маузера была чуть повернута, так что Шилов мог видеть часть лица. Оно не было ни безразличным, как часто бывает, когда смерть наступила внезапно, ни искаженным гримасой последней боли. Казалось, покойник укоряет Романа: «Как же так, командир? Ведь ты мне обещал!»

Шилов сжал зубы. Обещал! Он-то свое обещание выполнил, а вот…

Шилов посмотрел на следователя:

– Можно я ему глаза закрою?

– Да ради бога, – отозвался тот, продолжая писать протокол.

Мысленно попрощавшись с убитым, Шилов встал.

Метрах в пятнадцати у обшарпанной стены дома был припаркован серый БМВ с открытыми дверцами. Возле него, наблюдая за работой следственной группы, стояли два немолодых крупногабаритных «братка», в хорошей одежде и с бутылкой хорошего пойла, из которой они поочередно отхлебывали. Их колоритные физиономии были Шилову смутно знакомы. Кажется, «менеджеры среднего звена» из группировки Маузера. На всякий случай Шилов уточнил у Джексона:

– Его друганы?

– Ага. Скорбят.

Шилов подошел к ним, поздоровался. Ему довольно уважительно ответили и предложили бутылку, из которой он сделал пару ритуальных глотков. Потом первый «браток», отличающийся от второго более круглым лицом и менее длинными волосами, печально сказал:

– Его все отговаривали. Даже папа сам приезжал. Ты же знаешь… – «Менеджер» кивнул на труп. – Он упертый был.

Шилов посмотрел на второго. Тот подхватил тему:

– Точно, это от «липецких» привет. Им же под нос его показания совали. По понятиям они правы.

– И что теперь? – быстро спросил Шилов.

– Не знаю. По понятиям они действительно правы. – Первый пожал плечами, а второй сопроводил его слова ухмылкой, которую можно было трактовать как угодно.

– Ладно. – Шилов вздохнул и отошел к Джексону. – Свидетели есть?

– Тетка видела одна. Но со спины, не опознает.

Во двор заехала «Волга». Разглядев ее номер, Джексон презрительно скривился и отхлебнул пива:

– Вот и УБОП[2] приехал отметиться.

Из машины вылез подполковник Арнаутов, начальник одного из отделов. С Шиловым они были знакомы давно. Когда-то их отношения были ровными, потом довольно резко испортились. Инициатором этого был Арнаутов, и Шилов вполне искренне недоумевал, чего это подполковник на него взъелся. Самым простым объяснением была зависть. Зависть и к умению Шилова жить легко и свободно, и к его служебным успехам, которые многим казались тоже незаслуженно легкими.

– Здорово, Арнаутов! – поприветствовал Шилов. – Твой свидетель? Прими мои соболезнования!

Арнаутов без всякого выражения посмотрел на труп Маузера:

– Не страшно. Он уже все рассказал.

– А знаешь, почему?

– Потому что приссал.

– Нет! Потому что я его попросил.

– Кто тебя просил помогать? Это дело было мое.

– Да? А я-то думал, что у нас общее дело. Зачем ты его

[2] Управление по борьбе с организованной преступностью.

подставил?

– Мне надо было похитителей расколоть. Они его допрос прочитали и «поплыли».

– Да, только теперь он мертв.

– Ну и что, одним бандосом меньше.

– Без этого бандоса ты бы своих девочек похищенных живыми никогда не нашел.

– Мне плакать?

– Головой об стену биться.

С высоты своего почти двухметрового роста Арнаутов смерил Шилова взглядом и угрожающе произнес:

– Язык попридержи, новый русский опер!

Глава 3

Сжимая в руке ключи, Юля стояла перед дверью своей квартиры и не торопилась входить.

Сознавать, что она оттягивает момент встречи с мужем, было противно.

А ведь как здорово когда-то все начиналось!

Она познакомилась с Вадимом, когда училась на последнем курсе. Он был старше ее на пять лет и имел собственный бизнес. Девчонки завидовали: красивый, обеспеченный. И как шикарно ухаживает! О чем думать, если он сам предлагает за него замуж? Надо хватать, пока мужик не передумал!

Она и схватила. На свадьбу пригласили сто человек, медовый месяц провели в Турции. Все звенело от счастья, и казалось, так будет всегда.

Через год жизнь дала трещину. У Вадима на работе начались неприятности. Он перессорился с компаньонами, разругался с налоговой и в результате вылетел из своего бизнеса. Новые проекты не задались, на погашение долгов ушли все накопления.

А у Юли, наоборот, дела пошли в гору. Она устроилась модельером в крупную фирму и быстро обрела круг постоянных клиентов из обеспеченных слоев общества. Все шло к тому, чтобы вскоре открыть свое дело.

Так и получилось, что на четвертом году супружеской жизни она полностью обеспечивала семью и вела хозяйство, а Вадим валялся на диване или уходил на «деловые встречи», с которых неизменно возвращался пьяным в стельку и раздраженным. И при этом не уставал ревновать жену к собственной тени.

…Юля взвесила на ладони ключи, вздохнула и стала открывать дверь. Как ни оттягивай этот момент, а встретиться с мужем придется. Она и так после работы задержалась на три часа, занимаясь всякими необязательными делами.

Может, он уже пьяный и спит? Это, конечно, тоже не самое приятное зрелище, но, по крайней мере, лучше, чем скандал.

Нет, он не спал. И даже не был поддатым. Вышел из комнаты, как только услышал, что Юля открыла дверь. Скрестив руки и покачиваясь от кипящей внутри него злости, встал у стены и молча смотрел, как жена кладет сумочку, а потом снимает с себя и пристраивает на вешалке куртку.

Наконец, не выдержав, спросил:

– Ну, и где ты была?

– В ателье.

– Я звонил. Наталья сказала, что ты ушла в восемь. А сейчас одиннадцать.

– Вадик, ну хватит! Тебе не надоело? Хочешь, расскажу по минутам? Заехала в Пассаж, выбрала ткани, поговорила с девчонками. Заехала на мойку. Там была очередь, решила

подождать. Сначала мне почистили салон, потом мыли машину…

– Дать бы тебе в морду за это вранье!

– Вадик!

– Ну. – Он подошел ближе. – Кто сегодня поимел мою жену?

Юля, которая начала было снимать обувь, выпрямилась и посмотрела мужу в лицо:

– Остановись, ты переходишь все границы. – Сказав это, она попыталась проскользнуть мимо него в кухню.

Он крепко схватил Юлю за локоть и сказал с каким-то болезненным внутренним торжеством:

– Я перешел их тогда, когда сдуру женился на шлюхе.

Она врезала ему по лицу. Оплеуха получилась увесистой. Не ожидавший такого поворота Вадим выпустил ее локоть и отступил. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Потом Юля трясущимися руками схватила куртку, сумочку и выскочила за дверь.

Слетела по лестнице, не чувствуя ног. Была уверена, что муж кинется ее догонять, но он не только не кинулся, но даже не стал смотреть, куда она собралась идти, – Юля специально это проверила, постояв во дворе и глядя на окна.

Стоянка была рядом с домом. Огрызнувшись на добродушную шутку сторожа, Юля забрала не успевшую остыть машину.

Куда ехать? К подругам? Не хочется. Многие до сих пор

считают их брак самым счастливым и жалеют Вадика за временные, как им кажется, трудности в бизнесе. Он ведь при посторонних всем улыбается и с жены пылинки сдувает, так что, несмотря на то что они давно не приглашали гостей и сами ни у кого не были, его помнят именно таким. Начнут удивляться, сочувствовать, дурацкие советы давать. Не хочется!

Какое-то время Юля бесцельно кружила по городу, приглядываясь к прохожим и к парочкам в соседних машинах. Они счастливы, у них все нормально? Почему же ей так не повезло?

Хорошо, что ребенка не завели! Сначала Вадик отговаривался, что не надо спешить, надо пожить для себя. А потом, когда отношения начали сыпаться, она и сама уже не очень хотела. Может, напрасно? Может, роди она сына или дочурку, все было бы как-то иначе, успешнее и счастливее? Нет, скорее всего, Вадим так же валялся бы на диване и жрал водку с друзьями, а она была бы вынуждена и на работе успевать, и ребенка в одиночку воспитывать.

Или нет? Вдруг рождение сына заставило бы его измениться? Все, хватит о нем!

В ее жизни его больше не существует.

Хорошо, что делить ничего не придется. Квартира принадлежит Вадиму, он ее еще до свадьбы купил, и она не станет претендовать на его квадратные метры. А ее личных вещей не так много, все поместится в багажник машины.

В бесцельном катании по городу пролетел почти час. Увидев неброскую вывеску какого-то заведения, Юля решительно остановилась. Оказалось, это небольшой бильярдный клуб. Посетителями в основном были мужчины. Под их пристальными взглядами Юля подошла к стойке, села на высокий табурет и заказала коньяк.

За одним из бильярдных столов спиной к ней стоял подтянутый темноволосый мужчина в дорогом светлом костюме. Юле показалось, что она его где-то видела, но сходу припомнить, где и когда это произошло, она не смогла и краем уха прислушалась к его разговору с пожилым маркером.

– Устало выглядишь, Роман Георгиевич, – говорил маркер, поглядывая на стол с таким видом, как будто готовил там какую-то ловушку.

– Вечер трудного дня. Помнишь, Егорыч, такая песня была?

– А как же! Папаша твой любил под битлов играть. Вдохновение находило.

– Он и сейчас под них играет.

– Где нынче?

– В Кении.

– Пишет?

– Пишет, пишет. И матушка жива-здорова. Ты, Егорыч, мне зубы не заговаривай, ты шары ставь.

– Так я ставлю. Ну что, готов? Пять шаров, четыре удара – и ни одного на поле.

Оценив выставленную комбинацию, мужчина усмехнулся:

– Ну, Егорыч, ты садист!

– А мы по маленькой. По зеленой полташечке.

Поигрывая кием, мужчина примерился. Юля все ждала, когда он обернется или станет в профиль, но он упрямо держался к ней спиной.

– Давай, Егорыч, три удара и – по стольнику.

Ответ маркера Юля не разобрала – бармен как раз подал коньяк, блюдечко с порезанным лимоном и счет. Юля сделала глоток, достала из кошелька кредитную карточку.

Бармен отрицательно покачал головой:

– Извините, кредитки не принимаем.

– И что теперь?

– Поищите хотя бы мелочь.

Юля поискала. Нужной суммы не набиралось. Она выложила на стойку веер кредиток:

– Вот, выбирайте любую. Мелочи у меня нет.

– Девушка, извините, только наличные.

Юля стянула с пальца обручальное кольцо:

– Это годится?

– Де-е-вушка, – укоризненно протянул бармен.

– Помощь нужна? – услышала Юля знакомый голос и, повернув голову, увидела игрока в светлом костюме.

Вот, оказывается, это кто! Тот самый парень из красной «альфа-ромео», который пытался завязать с ней знакомство

у автомоечного комплекса. Любитель французского…

– А, сет анкор ву, – сказала Юля с легкой насмешкой и, чуть поколебавшись, добавила: – Одолжите мне немного денег. В этом идиотском баре не принимают карточки.

– Да нет проблем! – Шилов устроился рядом с Юлей на высоком табурете и сказал бармену: – Серега, запиши на мой счет.

Бармен кивнул, сделал какую-то пометку в блокноте под стойкой и выставил перед Юлей тарелку с орешками:

– Приятного аппетита.

Молча глядя перед собой, Юля отпила коньяк. Шилов придвинул к ней «обручалку», сиротливо лежащую на стойке рядом с влажным отпечатком от стакана:

– Ваше кольцо.

Юля щелкнула по нему пальцем, и оно улетело куда-то за стойку. Бармен и бровью не повел, а Шилов сочувственно отметил:

– Похоже, сегодня не ваш день тоже.

Юля покосилась не него, сделала еще глоток коньяка, взяла дольку лимона:

– Вообще-то, я не очень люблю, когда мне лезут в душу. Оставьте свой телефон, и я вам завтра отдам деньги. А сейчас… Можно я одна здесь побуду?

– Одной не получится. Красивая, одинокая. – Улыбаясь, Шилов посмотрел через плечо в глубину зала, на стоящих вокруг столов игроков. – Вмиг слетятся, я ж их, гадов, знаю!

– А вы, значит, не из этих гадов, да?

– Я просто побуду рядом. Если вы хотите, конечно.

– И все?

– Все.

Приподняв рюмку на уровень глаз, Юля посмотрела на Романа сквозь стекло:

– Крутой, но благородный, да?

– Ну почему сразу же «крутой»?

– Пиджак-то на заказ шили, чтоб кобура не выпирала. Что вы на меня так смотрите? Я – модельер и сотни раз такие пиджаки шила. И бандитам, и господам из Большого дома. А вы случайно не авторитет какой-нибудь?

– Не-ет, я просто на бильярде играю. А мне такой пиджак сошьете? Я еще один хочу.

– Посмотрим. Если приставать не будете.

– Я же обещал!

Маркер Егорыч крикнул от бильярдного стола:

– Георгич! Извини, конечно, но ты сдался или как?

Шилов посмотрел на Егорыча, посмотрел на Юлю:

– Слушайте, а вы мне не поможете? Удар очень сложный, вдохновение нужно. Просто постойте рядом, и все.

– Ну пойдемте. – Юля допила коньяк, взяла сумочку и вслед за Шиловым прошла к бильярдному столу.

Взяв кий, Шилов пошел вдоль стола, примериваясь.

Три шара стояли вдоль одного, ближнего к Юле, борта, один – у противоположного, и последний – примерно посе-

редине зеленого суконного прямоугольника. Юля мысленно загадала: если он выиграет, значит, их знакомство будет иметь счастливое продолжение. Если нет – что ж, не судьба, значит… Правда, что же все-таки подразумевается под «счастливым продолжением», Юля сейчас, наверное, не смогла бы объяснить внятно.

Решив, как будет бить и подготавливая кий, Шилов подмигнул Юле:

– Ну, будем непруху ломать? Наш день, не наш – захотим, и будет наш!

Юля сдержанно улыбнулась.

Шилов выиграл. Присев на край стола, ударил почти вертикально. Потом, зайдя с другого борта, распластался над сукном и ударил из такого положения, из какого, Юля была в этом уверена, невозможно было куда-то попасть. Разве что в «молоко»… Хотя «молоко», кажется, из другой области термин.

– Вам в цирке нужно выступать, – сказала Юля, стараясь не показать радость, а Егорыч проворчал, отсчитывая из своего кошелька выигрыш:

– Про массэ разговора не было… А если бы сукно порвал?

Шилов небрежным жестом взял из его рук два зеленых полтинника:

– Лучше сделай мне игру, а то деньги кончаются.

Егорыч критически оглядел зал и, не увидев достойных противников, вздохнул, что-то припоминая: – Тут из Якутии

одни приехали. Может, они тебя обуют?

Половину выигрыша Шилов предложил Юле, но она отрицательно покачала головой, скрестив руки на груди. Шилов, видимо, ждал такого ответа и, убирая деньги в бумажник, сказал таким тоном, как будто это было давно решено:

– Тогда мы их проедим.

И они их проели.

Шилов отвез ее в ресторан, в котором она никогда не была: роскошные, стильные интерьеры и прекрасная кухня. Официанты, казалось, угадывали все их желания, но при этом умудрялись обслуживать незаметно и вовремя. Юля подумала, что ее новый знакомый – здесь или постоянный и очень важный клиент, или вообще хозяин заведения. Во всяком случае, несмотря на битком заполненный зал, им предоставили лучший столик, а когда пришло время уходить, она не поняла, заплатил он по счету полностью или с какой-то сногсшибательной скидкой.

Несмотря на то что они ни минуты не сидели молча, Юля поймала себя на мысли, что так и не узнала ничего о Романе. Разве лишь то, что под мышкой у него пистолет. Ну так это она сама углядела. А вот он… Вроде бы не отмалчивался, отвечал что-то, когда она спрашивала, но в результате ничего так и не рассказал. Зато про нее выяснил все. Она и не подозревала, что способна настолько раскрыться перед малознакомым человеком. Значит, дело не во времени, прошедшем с начала знакомства?

Да ладно, мысленно усмехнулась она, когда они, обнявшись, танцевали медленный танец, чего перед собой-то играть? Все ясно как день. Она просто влюбилась. С первого взгляда. Как школьница. Может быть, еще тогда, при первой встрече. Несчастлив тот, кто этого ни разу не испытывал.

– Кстати, – решила уточнить Юля, – как ты оказался в этом баре одновременно со мной? Следил?

– Я приехал туда на час раньше тебя. Так что это ты, скорее, следила за мной.

– Точно, следила. Ехала сзади от самой мойки.

– Нет. – Шилов серьезно покачал головой. – Я всегда знаю, когда за мной следят.

– Такое часто бывает?

Он как будто не услышал вопроса:

– На самом деле это судьба. Она всегда дает два шанса. Первый мы не использовали. Если бы упустили второй, третьей встречи не было бы.

– Знаешь, мне так хорошо. – Юля плотнее прижалась к нему. – До мужа у меня, конечно, были какие-то студенческие романы, но потом – все только с ним. Но я ему ни малейшего повода к ревности не давала, честное слово!

– Ты уже говорила…

Из ресторана они поехали домой к Шилову, и это было таким естественным продолжением вечера, что даже не обсуждалось. Ехали каждый в своей машине. Шилов пообещал отмазать ее от гаишников, если они тормознут и унюхают:

– Главное, не бей никого. И в меня сзади не врежься.

Шилов жил в старом доме, подвергшемся капитальной реконструкции и перепланировке. Квартира находилась в бывших чердачных помещениях и представляла собой нечто вроде пентхауса.

Поднимаясь на лифте, они начали целоваться. И не прерывали это занятие, пока шли по площадке к двери квартиры, и пока Шилов возился, на ощупь доставая из кармана ключи, и пока он открывал дверь.

Но стоило им переступить порог и войти в коридор, как сказка закончилась. Подал голос его сотовый телефон. Юле хотелось, чтобы Шилов проигнорировал вызов, но он достал трубку, ответил и мгновенно посерьезнел лицом. Юля поняла, что его вызывают на какую-то срочную и очень важную встречу. Пожалуй, сегодня точно не их день! Вернее, уже ночь.

Слегка подтолкнув ее в глубь коридора, сам Шилов отступил к двери:

– Еда в холодильнике, выпивка в баре. На звонки не отвечай, дверь никому не открывай.

– А если мне захочется уйти?

– Дождись сперва меня. Я недолго.

* * *

Перед бистро «Шаурма» стояло два «мерседеса», «шести-

сотый» Моцарта и джип его охраны. Машинально срисовав номера, Шилов отметил, что Гера Моцарт давно не обновлял свой автопарк. Этими тачками он пользуется уже больше года, а ведь раньше, бывало, обязательно раз в квартал машину менял. «Что ж, – Шилов мысленно усмехнулся. – Взрослеет человек, так сказать, духовно растет. Думает уже не только о материальных благах».

На двери бистро висела табличка «Закрыто». Через стекло был виден небольшой зал. Моцарт в одиночку сидел за столом, лицом к двери. Охрана – в стороне. Хреноватая, прямо скажем, охрана. Шефа можно прямо через дверь завалить и уйти раньше, чем они на улицу выскочат. Правда, в «мерседесе» остался водила, но он собой большой проблемы не представляет.

Шилов толкнул дверь и вошел в бистро под звяканье колокольчика. Охрана слегка напряглась, сам Моцарт жестко улыбнулся и привстал навстречу.

Шилов сел за его стол и, оглядывая интерьер заведения, явно не соответствующий статусу криминального авторитета, весело поинтересовался:

– Шаверму любишь?

– Люблю места, где трудно встретить знакомых. Выпьешь?

– Можно.

– Костя, еще коньяк! – крикнул Моцарт одному из охранников. – Сколько мы с тобой знакомы?

– Ну, я думаю, что достаточно, чтобы пить коньяк в четыре утра… Итак. Я угадаю: ты кого-то замочил и хочешь написать мне явку с повинной.

– Что вы все из меня монстра делаете? Я, между прочим, жизнь дарю. – Откинувшись на спинку стула, Моцарт внимательно смотрел на Романа. – Так, значит, позавчера охрана возле офиса засекла наблюдение. Я крутнулся по городу, они за мной. Двое, работают грамотно. Хотели их пропасти, они ушли.

– Немудрено. – Шилов указал глазами на охранников, двое из которых сидели с кружками пива, а третий, тот самый Костя, которому сказали принести коньяк, хозяйничал за стойкой.

– У меня не только эти работают, – оценив намек, поморщился Моцарт. – Так вот, позавчера они сорвались, но сегодня вернулись. Мы их взяли… Костя! Где коньяк?

– Да ничего, я не спешу, – сказал Шилов, но Костя уже торопился к их столику. Поставил выпивку, заменил пепельницу, взял тарелку с объедками лимона. Шилов почувствовал на себе его внимательный взгляд. Поднял голову – Костя отвернулся и поспешил отойти.

Выпили, после этого Моцарт продолжил рассказ:

– Допросили их влегкую…

– Ага…

– Признаются, что следили, а дальше одна туфта, нечего и пересказывать. Понятно, что искали позицию для снайпе-

ра. Мы можем поработать с ними серьезно, и они все расскажут. Только отпустить после этого я их не смогу.

– Для чего ты мне все это рассказываешь?

Моцарт помолчал, а потом ответил с неожиданной для его внешности и репутации искренностью:

– Устал! Слишком много крови. Ты стреляешь, в тебя стреляют. Сколько можно? Пора перед Богом очки набирать. Это так, без понтов. Пробило, знаешь, как-то утром.

– Бывает…

Они молча чокнулись, выпили. Моцарт покрутил на столике опустевший стакан, потом, прищурившись, посмотрел Роману в глаза:

– Все-таки ты толковый мент, реальный. Раскрути их, попробуй. Я чувствую, они много знают.

– Если я найду заказчика, я тебе его не отдам.

– Знаю! – Моцарт энергично кивнул, как будто, говоря с Шиловым, одновременно вел мысленный спор с кем-то третьим, который отговаривал его от сделанного шага. – Поэтому и думаю до сих пор, прав я или нет.

– Поздно думать. Ты сказал, я запомнил.

– Мент есть мент. – Моцарт тяжело, опираясь на стол, поднялся, и стало понятно, что выпитые в «Шаурме» двести грамм – далеко не все, что он принял за вечер. – Завтра утром жди звонка на работе.

– Хотелось бы узнать их имена, чтобы я мог как-то подготовиться…

– …А я не мог отказаться, – подхватил Моцарт, запуская руку во внутренний карман пиджака. – Логично!

Он бросил на стол два паспорта и, пожелав удачи, покинул бистро. Вслед за ним выскочила охрана.

Листая паспорта, Шилов услышал, как на улице хлопнули двери и заработали двигатели «мерседесов». Фамилии, указанные в документах, ничего Роману не говорили. Два молодых парня из Воркуты. Далековато они забрались в поисках приключений! Одно хорошо: в прошлом году Шилов помог воркутинским операм задержать одного убийцу, так что есть к кому обратиться, чтобы прямо завтра с утра по-быстрому навести справки о несостоявшихся киллерах.

…Когда Шилов приехал домой, Юля уже спала. Он постоял, глядя на нее и улыбаясь. Потом тихо, чтобы не разбудить, положил пистолет под кровать и устроился рядом с девушкой.

Глава 4

– Скажи честно, почему ты ко мне ночью не прикоснулся? Благородство проявил или умотался?

– Честно? Пополам.

Роман и Юля пили кофе на кухне, сидя за столом напротив друг друга.

Слушая девушку, он улыбался и живо реагировал на вопросы, но мысленно, казалось, был уже на работе.

Юля чувствовала себя не слишком уверенно. Разрыв с мужем, случайная встреча в бильярдной, посещение ресторана… И вот теперь она здесь. С утра, да на трезвую голову, все это представлялось не так однозначно и правильно.

Юля сняла с шеи цепочку с кулоном в виде сердечка и, накручивая ее на пальцы, заметила:

– Вообще-то, ты авантюрист. Оставил у себя дома незнакомого человека…

– Почему «незнакомого»? Ваш паспорт, Юлия Сергеевна, я посмотрел еще ночью.

– Ты рылся в моей сумочке?

– Сама же говоришь, нельзя пускать незнакомцев в свою квартиру.

– Позолота благородства слетает прямо на глазах…

– Да ладно, я просто хотел узнать, когда у тебя день рождения, чтобы сделать сюрприз. – Шилов поставил пустую ча-

шечку и приготовился встать из-за стола.

– Не верю.

– Обидеть простого мента может каждый. А вот поверить!.. – Он встал.

– Так ты мент?!

Роман усмехнулся, поцеловал ее в лоб и вышел из кухни, провожаемый растерянным взглядом Юли.

Когда она зашла в комнату, он сидел на кровати, спиной к ней, и закреплял наплечную кобуру. Рядом с ним лежал пистолет. Большой, хромированный. Иностранный.

– Что-то я такого оружия у ментов раньше не видела.

– Обыкновенная «беретта» 38-го калибра. Хороший ствол, только с патронами проблема.

– Можно я посмотрю?

Не оборачиваясь, Шилов кивнул. Юля взяла пистолет. Тяжелый! И с дарственной гравировкой латинскими буквами: «Майору Шилову от Французской Республики с благодарностью».

– За что же тебя французы так полюбили? Спас от террористов Эйфелеву башню?

– Что-то типа того. – Шилов забрал у нее пистолет, привычно заправил его в кобуру и, взяв со стула пиджак, вытащил из внутреннего кармана бордовую книжечку: – Это чтобы ты меня не боялась.

«Это» оказалось служебным удостоверением. Юля рассмотрела фотографию, на которой одетый в форму Роман

выглядел серьезнее и, что ли, взрослее, чем в жизни. Прочитала должность: «Старший оперуполномоченный по особо важным делам». Вернула «ксиву»:

– Вот теперь точно буду бояться. Квартира такая навороченная, машина не из дешевых, «беретта». Для мента ты какой-то слишком странный!

– Угу. – Шилов протянул Юле заранее приготовленные запасные ключи от дома: – Живи! Пока хату найдешь, тосё… Какая-никакая, а крыша над головой. Во всех смыслах.

Про «все смыслы» можно было и не добавлять, слово «крыша» и так прозвучало достаточно многозначительно. И жилье, и защита…

– Так не бывает, – вздохнула Юля, когда они уже стояли в коридоре.

– Это ты про что?

– Про тебя. Ну и про себя.

– Откуда ты знаешь, как бывает? – Роман взял ее за плечи и притянул к себе.

Упреждая его следующее движение, Юля сказала:

– Еще раз меня в лоб поцелуешь, и я тебя прибью!

Он поцеловал ее в губы. Она сжала воротник его куртки и долго не отпускала. Шилов с сожалением отстранился:

– Долг зовет, надо лететь.

– Сегодня же выходной…

– У нас нет выходных.

Он открыл дверь. Юля стояла, прислонившись к стене

и теребя воротник блузки:

– Теперь буду голову ломать: сразу бежать или сначала тебе обед приготовить?

– Ужин! Готовить надо ужин. Тебе денег оставить?

– Не надо, добегу до банкомата.

Он вызвал лифт и уехал. Она встала у окна, посмотрела, как он, разговаривая по сотовому телефону, выходит из дома и садится в «альфа-ромео».

На душе у Юли было как-то странно. С одной стороны, вот она, сказка. С другой – что-то подсказывало, что в ближайшее время этой сказке предстоит пройти серьезную проверку на прочность.

* * *

Телефон звонил и звонил.

– Не подойдешь? – спросил Арнаутов.

– Не хочу. Меня нет дома. Господи, какое счастье – так валяться и никуда не спешить!

– Раньше ты считала за счастье сорваться в выходной на какое-нибудь интересное дело.

– Так уж не девочка…

Татьяна Кожурина сидела, привалившись к спинке кровати. Голова Арнаутова покоилась у нее на груди, и Татьяна гладила его по затылку, ерошила короткие седоватые волосы на висках, нежно проводила ноготком по глубоким морщи-

нам на лбу.

Он одинок, она одинока. Если сложить возраст обоих, то получится глубокая старость. Вся жизнь прошла на работе. Незаметно прошла. И то, что осталось, пролетит еще незаметнее. А как бы хотелось…

– Так и я уже тоже не мальчик, – вздохнул Арнаутов.

– Ну, Коля, ты у нас еще боец хоть куда! До двух часов угомониться не мог.

– До двух пятнадцати.

– Вот видишь, аж до двух пятнадцати. Настоящий полковник!

– Сплюнь.

– Да нечего плевать, Москва утвердила. Мне Соколов звонил.

– Чего это он тебе звонил? – Арнаутов запрокинул голову, чтобы поглядеть Кожуриной в лицо.

Продолжая гладить его по волосам, она усмехнулась:

– Ревнуешь? Я сама его просила узнать. Сказала, жених волнуется, проверь, как там дела. Так что вертите дырки в погонах, полковник Арнаутов!

– Подожду до понедельника, так будет вернее. Что же они так тянули?

– Московские игры.

– У нас и своих игр хватает. Думаешь, никто не зарится на мое кресло? Копают, сволочи! У каждого свой интерес.

Кожурина грустно и как-то немного ожесточенно посмот-

рела на его затылок:

– Это жизнь, Коля. У меня, вон, тоже свой интерес. Только ты его игнорируешь.

– Не начинай, – поморщился Арнаутов.

– Вот когда твой Пашка приведет в вашу мужскую берлогу невесту, тогда взвоешь и сам ко мне прибежишь и попросишься.

– Я никогда никуда не прошусь! Сочту нужным – поженимся.

Кожурина на мгновение замерла, а потом, оттолкнув Арнаутова, вскочила с кровати. На ходу накидывая халат поверх черного пеньюара, выбежала в коридор и заперлась в ванной.

Арнаутов тихо выругался. Как все хорошо было, ведь редко какой выходной удается провести вместе – так нет, надо было ей все испортить. Как будто не знает, как он реагирует на подобные разговоры. Нет, баба – она и есть баба. Даже если провела всю жизнь на следственной работе.

Арнаутов встал с кровати, подтянул трусы. Выходя в коридор, покосился на синюю прокурорскую форму Кожуриной, висящую на плечиках, прицепленных к дверце шкафа.

Чего теперь, извиняться? Он бы, может, и извинился, если б умел. Да беда в том, что признавать ошибки он давно разучился. Во всяком случае, разучился признавать их публично. Неспроста ведь не только коллеги, но даже Танька называет его «железным дровосеком», который прет вперед, не

замечая оставленных сзади руин.

Арнаутов стукнул кулаком в дверь ванной комнаты:

– Таня! Тань, ну ты чего?

– Ничего, – донесся из-за двери голос, заглушаемый шумом воды.

– Ты же знаешь, я не люблю, когда на меня давят. Что нам, так, что ли, плохо? Давай без истерик, ладно?

– Где ты видишь истерику? Я душ принимаю.

Из комнаты донесся сигнал сотового телефона. Арнаутов с облегчением отошел от двери ванной, разворошил груду одежды на кресле, взял выпавший из кармана пиджака аппарат и ответил на вызов:

– Слушаю!

– Николай Иваныч? Здрасьте, это Губин.

Костя Губин работал в охране Моцарта.

Арнаутов вербанул его еще год назад, но навар пока был слабый.

– И где ты пропадал, твою мать?

– Не было ничего интересного, а лишний раз высовываться…

– Ладно, давай без лирики. Есть чего?

– Есть. Надо бы встретиться. Лучше сейчас.

– Где?

Пока Арнаутов в комнате обсуждал место встречи, Кожурина стояла перед зеркалом в ванной и смотрела на свое отражение. Морщинки вокруг глаз и в уголках рта, огрубевшая

кожа на скулах, седые волосы, которые не берет самая стойкая краска. Хорошо, что их пока мало, но что будет через год, через три, через пять? При такой работе, это уж точно, она не станет выглядеть лучше. И при такой личной жизни…

Может, ну его к черту, этого Арнаутова? Сколько она его ждет? И будет ждать еще столько же, радуясь, если он хотя бы раз в неделю переночует и раз в месяц куда-нибудь пригласит. Его все устраивает! А когда перестанет устраивать, он забудет дорогу к ней в дом и скажет, что занят на службе. Господи, как надоело!

Ополоснув лицо прохладной водой, Кожурина вышла из ванной.

Арнаутов, уже одетый в рубашку и брюки со свисающими подтяжками, стоял посреди комнаты и прилаживал наплечную кобуру с пистолетом Макарова.

– Сбегаешь? На кофе время есть?

– Ну зачем я тебе такой нужен? Я ведь живу на работе!

Арнаутов попытался обнять, но Кожурина ловко вывернулась и, затягивая пояс халата, вышла из комнаты в коридор. Не останавливаясь, бросила через плечо:

– Ты не женщина, ты не поймешь. Ну, так кофе на тебя варить?

– Вари. Только быстро.

Арнаутов закрепил кобуру, перекинул через плечи подтяжки. Взял с кресла пиджак. И сказал, будто впервые за все время их отношений оправдываясь:

– Стукач один отзвонился. У него информация важная, надо встретиться.

* * *

Когда Шилов пришел на работу, в отделе еще никого не было.

Сев за свой стол в кабинете, который он делил со Скрябиным и Соловьевым, Роман включил чайник и стал дозваниваться до Воркуты. Повезло: соединиться со знакомым опером из местного розыска удалось быстро.

– Игорь, привет, это Шилов из Питера. Ну, как там северное сияние? Как крестничек наш, Бизон? Дали двенадцать? Ну вот видишь, значит, не зря ловили! Слушай, извини, что домой и в выходной, но дело срочное. Тут два ваших архаровца засветились. Пиши… – Раскрыв полученные от Моцарта паспорта, Роман принялся диктовать: – Селиванов Дмитрий Иванович, восемьдесят второго года рождения, проживает: Воркута, улица Шахтерской Славы, дом шесть, квартира тринадцать… Записал? И Краснов Михаил Николаевич, того же года, проживает там же, но квартира двадцать. Родственники, знакомые, бабы… Позвонишь? Да вчера еще было надо! Спасибо, жду…

Роман еще продолжал говорить, когда пришел Станислав Скрябин. Повесил куртку на вешалку около двери, молча протянул руку для пожатия и сел за маленький приставной

столик перед письменным столом Шилова. Ожидая конца разговора, заварил себе растворимый кофе. Это был ежедневный утренний ритуал, который никогда не нарушался. Даже если в карманах был совсем голяк, на банку кофе деньги как-нибудь находились. Впрочем, с тех пор как Ромка возглавил отдел, такие мелкие, но необходимые в работе вещи, как сигареты и кофе, перестали быть головной болью, возрастающей по мере того, как отдалялся день выдачи зарплаты.

Как только Шилов положил трубку, Скрябин сказал:

– Спасибо тебе за выходные! От Светки – особая благодарность.

– Что, совсем дома плохо?

– Война до победного конца, и конец уже близко. Только Светка этого не понимает. Что случилось-то?

– Банду брать будем.

– А-а-а, банду! А я думал, может, случилось чего! – Скрябин отхлебнул кофе и закурил сигарету.

Вошел Соловьев:

– Привет! – В отличие от раздраженного Стаса, Серега словно лучился радостью оттого, что его в выходной день вызвали на работу.

С мрачным видом подождав, пока Соловьев займет место за приставным столиком напротив него, Скрябин спросил:

– Ну, и что ты уселся? Не хочешь спросить, почему нас выдернули из дома?

– А чего спрашивать? Наверное, банду брать будем, – хитро глядя на Шилова, ответил Серега, и все, даже Станислав, засмеялись.

В кабинет заглянул Василевский:

– Начальник! Борька, Дима и Джексон у меня в кабинете сидят. Сапог внизу в машине дрыхнет.

– Спасибо, Леня, сейчас подойдем. – Окончание фразы Шилова прервал звонок телефона.

Глядя на коллег, Шилов сказал:

– Спорим, сейчас нам сдадутся киллеры? – и включил «громкую связь».

В кабинете зазвучал безжизненный, как у робота, голос:

– Я хотел бы сообщить о готовящемся заказном убийстве. Буду ждать вас у бассейна СКА через час.

* * *

К бассейну приехали на двух машинах. Встали прямо напротив главного входа. Шилов, Скрябин и Соловьев сидели в «альфа-ромео», остальные – в синей «девятке» с гражданскими номерами.

– Ничего, что мы так явно стоим? – оглядываясь по сторонам, спросил с заднего сиденья Станислав.

– А от кого шухериться? – весело отозвался Серега. – Я почему-то думаю, они не убегут.

– Как они нас узнают-то?

– Внутренний голос подскажет. Даже пинка даст, если замешкаются.

– Вот, кстати, и он. – Шилов указал на вышедшего из-за угла бассейна высокого мужчину в расстегнутом черном плаще.

– Кто? – не понял Скрябин.

– Внутренний голос. Он же Вова Хрипунов, начальник охраны Геры Моцарта.

Увидев машины с ментами, Хрипунов повернул назад.

Проводив его взглядом, Серега спросил:

– Слушай, а почему Дробышев – Моцарт?

– У него родители в филармонии играли, и сам он до десяти лет в музыкальную школу ходил, – объяснил Шилов. – А потом ему во дворе скрипку сломали, и он боксом увлекся. Вон, идут!

От того угла, у которого вертелся Хрипунов, к машинам приближались двое парней в джинсах и кожаных куртках. Тот, что был ниже ростом, держался за живот и прикрывал нижнюю часть лица воротником куртки.

– Не хреново они его обработали, – напряженно протянул Скрябин.

– Пошли встречать. – Шилов открыл дверь.

Когда парни приблизились, стало заметно, что и второму сильно досталось. Все его лицо покрывали синяки и глубокие ссадины, на щетинистом подбородке запеклись сгустки крови. В глазах была покорность судьбе. Безошибочно опре-

делив в Шилове старшего, он сказал тусклым голосом:

– Меня зовут Михаил Краснов. Это я вам звонил.

Краснова посадили в «альфа-ромео», второго – в «девятку».

Шилов сказал:

– Давай сперва в «травму». Я не знал, что они в таком виде.

…А за углом бассейна контролировавший процедуру «экстрадиции» Хрипунов позвонил Моцарту:

– Это я. Все в порядке, но ты не прав. Это еще ударит по нам. Честных ментов не бывает…

В то же самое время Арнаутов около метро «Чернышевская» встречался с осведомителем. Это был тот самый Костя из свиты Моцарта, который ночью подавал в «Шаурме» коньяк. Они стояли в толчее напротив входа в подземку и нервно бросали реплики, глядя в разные стороны.

По лицу Арнаутова было понятно, что услышанная информация ему очень не нравится.

* * *

Задержанных посадили в разные помещения.

Шилов переходил из кабинета в кабинет, слушал однотипные ответы, которые давали Краснов с Селивановым. В травмпункте их немного привели в порядок, и они осмелели, сообразив, что в ближайшее время их не станут подве-

шивать к батарее и лупить железякой по почкам.

– Подошел мужик, попросил проследить. Бабки хорошие, вот мы и согласились, – говорил Краснов, глядя в пол; подбородок и лоб у него были заклеены пластырем, многочисленные ссадины обработаны.

– А почему он именно к вам подошел? – спрашивал Соловьев, пытаясь заглянуть Мише в лицо, но Миша прятал глаза и бубнил, словно стесняясь убогости своей легенды:

– Откуда я знаю? Какая нам разница, лишь бы бабки платил…

– За кем еще следили?

– Ни за кем не следили.

С Селивановым работали Василевский и Скрябин.

– Ну а в Воркуте-то что? – спрашивал Василевский. – Работал, учился?

– По всякому.

– Чего в Питер-то принесло?

– А чего дома делать?

– И давно здесь?

Селиванов запнулся, подсчитал что-то в уме и осторожно ответил:

– Наверное, месяца два. – На правой скуле у Селиванова была глубокая, почти до кости, рваная рана, теперь закрытая толстой повязкой. Селиванов то и дело поднимал руки, чтобы потрогать повязку, но вспоминал, что этого делать нельзя, и начинал рассматривать свои дрожащие пальцы, на которых

кровь перемешалась с грязью и глубоко въелась в кожу.

Шилов вышел в коридор, закурил.

Прав Моцарт, если эту ниточку грамотно потянуть, то можно раскрутить многое. Скорее всего, ребята сами не убивали, работали в группе разведки и обеспечения. Значит, если найти к ним подход, могут сдать киллеров или руководителя – кого-то из них они наверняка знают.

Селиванов явно боится физического воздействия. Потрудись над ним хрипуновские костоломы еще пару часов, он бы им все рассказал. Если бы, конечно, раньше не умер от боли. Но словами его не расколоть. Он будет тупо держаться легенды, а когда окажется загнанным в угол уточняющими вопросами, просто заткнется, и тогда вывести его из этого ступора иначе как хорошей затрещиной не получится.

Значит, отставить пока Селиванова.

А что там с Красновым?

Краснов из них двоих – лидер. Что хорошо, он способен воспринимать не только удар снизу в печень, но и словесные аргументы. Это его первое отличие от Селиванова. А второе заключается в том, что он уже сейчас не только радуется смене хрипуновских застенков на тюремную камеру и мысленно говорит себе: «Все – фигня! В тюрьме люди тоже живут; много мне не дадут, а на зоне братва подогреет», – он понимает, что серьезно попал, и что никто, кроме него самого, ему не поможет. Если подобрать правильные аргументы, он пойдет на сотрудничество. Заговорит он – не станет отмал-

чиваться и Селиванов. А уж как только они оба начнут говорить что-нибудь помимо своей дурацкой легенды про незнакомого мужика в кабаке, дело пойдет. Потихоньку, шаг за шагом, но пойдет.

Скорей бы Игорь из Воркуты позвонил! Даже если он не сообщит ничего важного по поводу криминальных занятий и связей задержанных, любая бытовая фактура из их тамошней жизни поможет в расколе…

Распахнулась дверь, в коридор выглянул Соловьев. Шилов подумал, что он хочет сообщить о звонке по межгороду, дернулся ему навстречу и остановился, услышав:

– Тебя шеф разыскивает. Велел срочно зайти.

Кабинет начальника Управления уголовного розыска имел не по должности скромные размеры и был обшит светлыми панелями под дерево. На стене над головой Громова висел российский герб на фигурной дощечке, среди бумаг на письменном столе возвышалась модель танка Т-72. Танк блестел гладким корпусом и воинственно топорщился пушечкой, будто угрожая скатиться с фанерного постамента и проутюжить широкими гусеницами разложенные перед ним документы, а заодно и судьбы упомянутых в них людей.

Подсаживаясь к Т-образному столу для совещаний, Шилов вопросительно посмотрел на начальника:

– Звали?

Громов хмуро кивнул:

– Реализуешься?

– Так, работаем помаленьку.

– Задержанные есть?

– Да ничего особенного.

– Опять темнишь?

– Почему? Получится что-нибудь – обязательно сообщу.

– Роман, ты как руководитель должен больше уделять внимания административным функциям, а не бегать по оперативным встречам.

– Но я же не руководитель! Я просто старший опер по особо важным делам и врио начотдела, который не виноват, что все командиры одновременно рванули на пенсию. Что ж мне теперь, опером перестать быть?

– Врио, опер, не виноват! – Громов раздраженно посмотрел на модель танка, в круглой башне которого отражался свет люстры. – Мне говорят, что ты своих задержанных у Моцарта получил и пытал их с его быками в подвале.

– Кто говорит? УБОП? Арнаутов напел? – Шилов прищурился и налег локтями на стол. – А хоть бы и у Моцарта! Я в жизни никого не пытал, я головой привык работать.

Коротко постучав, в кабинет зашел полковник из управления кадров:

– Юрий Сергеич, минута есть? Я наградные согласовал…

Громов раздраженным жестом предложил кадровику остаться, и тот присел на стул около двери, чинно положив на колени тяжелую папку.

Громов перевел взгляд на Шилова:

– Рома, не заводись. Я все понял. Иди работай.

Шилов встал, молча сделал пару шагов к выходу из кабинета. Потом резко развернулся и навис над столом, опираясь на него кулаками:

– А как «не заводись»? То, что Арнаутов свидетеля по своему последнему делу подставил, – это как, нормально? Дать прочитать всей банде его показания до конца следствия – странно, что его после этого завалили! А, ну конечно, он же бандит. Мир стал чище!

– Хватит! Я сказал – ты запомнил. Все докладывать мне, любой шаг! Сейчас не те времена, чтобы… – Какие именно сейчас времена, начальник УУР не пояснил; успокаиваясь, он посмотрел на стол и помассировал переносицу: – На Арнаутова не гони, он мужик неплохой…

Шилов был уже около двери. Посмотрев на сидящего полковника-кадровика, лысый череп которого казался таким же крепким, как башня танка, он вздохнул:

– Неплохой. Только писается и глухой. – После чего вышел из кабинета, довольно бесцеремонно захлопнув за собой дверь.

Кадровик, до этого момента никак не проявлявший своего отношения к происходящему, оживился, пересел к столу и, сжимая в руках тяжелую папку, с деланым недоумением спросил Громова:

– И это его ты хочешь согласовать на начальника убойного отдела?

– Он работает лучше всех, – устало ответил начальник УУР.

– Работает! Сергеич, я тебя умоляю. – Кадровик покачал головой. – Если мы по этому принципу будем начальников отделов назначать, то что получится! И потом, ты же знаешь, что…

Глава 5

Когда Шилов вернулся в свой кабинет, Краснов отвечал на вопрос Соловьева о том, как выглядел неизвестный мужик, заказавший им слежку за Моцартом:

– Кавказец, лет сорока…

Соловьев повернулся к Роману:

– Тебе Игорь звонил.

– Черт! Давно?

– Только что. Обещал перезвонить.

Шилов присел на угол своего стола и начал слушать, то и дело оглядываясь на телефон. Наконец тот зазвонил.

– Серега! Покури с Мишей в коридоре.

Как только они вышли, Шилов сорвал трубку:

– Да! Удалось что-нибудь?.. Так, так… – Под диктовку воркутинского опера Шилов записал на бумагу основные моменты коротких биографий Краснова и Селиванова. – Все? Не густо! Слушай, а что за район, где они жили? А есть там места, которые всем известны? Угу… Спасибо!

Положив трубку, Шилов немного подумал, потом крикнул:

– Серега!

Соловьев вошел в кабинет, конвоируя Мишу. Проходя мимо Шилова, Краснов, видимо, догадавшись, что звонок имел к нему непосредственное отношение, тревожно по-

смотрел на опера.

– Кавказец, значит, лет сорока? – весело спросил Шилов. – Небритый такой, с усами и по-русски говорит с акцентом, да?

– Ну… – подтвердил Миша, осторожно устраиваясь на стуле перед столом Соловьева и спиной к Шилову.

– А как ты с ним связывался?

Миша посмотрел через плечо. Опустил глаза.

– Он со мной… На трубу мне звонил.

– Когда последний раз звонил?

– Не помню.

– А машина у него какая? Не знаешь?

– Не видел.

– А фильмы про партизан ты смотрел?

– Фильмы? – Миша даже вздрогнул от неожиданной смены темы. – Фильмы смотрел. А чего?

– Да ты напоминаешь мне героя в плену у фашистов. Сейчас встанешь и заорешь: «За нашу бандитскую родину! Стреляй меня, мент поганый!»

Соловьев, чувствуя, что начинается разговор, в котором третий может быть лишним, вышел в коридор. Глядя на Шилова, Краснов даже не заметил его ухода.

А Шилов, соскочив со своего стола, пересек кабинет и присел теперь уже на край стола Соловьева, нависая над Мишей.

Миша смотрел на него снизу вверх из-под закрывающей

лоб толстой повязки и внимательно слушал.

– А за кого ты бьешься? За тех, кто тебя послал? Нужен ты им! Таких, как ты, – очередь. Хочешь, я все про тебя расскажу? Ты родился в маленьком городке, где много шахт и водки. Батя твой бухал и работал, а мама мечтала каждое лето вывезти тебя на Черное море. От скуки ты ходил качаться в соседний подвал и мечтал уехать в большой красивый город. Я прав?

Миша, растерянно поморгав, опустил взгляд.

– Потом из Питера приехал твой одноклассник и рассказал, как там круто. Рассказал про серьезных пацанов, про бабки, про телок, про «мерсы». И про то, как вас ждет братва. И вы с Димкой рванули в Питер. Вас познакомили с шефом, он хлопнул с вами рюмашку и сказал, какие вы замечательные пацаны. Вам выдали тачку, мобильник, вы сходили в пару клубов, сняли проституток и поняли: жизнь удалась! Только одного вам, Миша, не показали. Аллею на кладбище, где вас потом зарывают. Знаешь, сколько там таких, как вы, лежит? Ты – пешка! Ты – расходный материал. Шеф же не приехал вас вчера к Моцарту выручать? Это мы вас, идиотов, с того света вытащили. И мы единственные, кто не заинтересован, чтобы вы обратно вернулись. Думаешь, шеф станет вас выручать? Адвокатов дорогих нанимать, передачи слать в камеру, семьи ваши, в Воркуте оставшиеся, кормить? К судье пойдет договариваться, чтобы тебе дали «условно»? Да на хрена вы нужны! Ему проще заплатить полкосаря, чтобы

вас ночью в «Крестах» удавили, а потом пригласить из Воркуты новых рекрутов.

– Новых – кого? – Краснов поднял голову. В глазах у него появилось что-то новое по сравнению с тем, что Роман видел до начала своего длинного монолога.

Роман объяснил, кого называют рекрутами. Заодно, мимоходом, назвал адрес подвала, в котором Миша качал железо. Упомянул первую девушку Миши, которая три года назад перебралась в Москву, а теперь, сторчавшись на героине, работала уличной проституткой. Перечислил кое-каких школьных товарищей: двое сидят, двое померли, один круто поднялся и ездит на джипе, один в розыске за бытовое убийство. Немногочисленные сведения, полученные от Игоря, Шилов расходовал экономно, стараясь давать поменьше конкретики и побольше создавать впечатление, что ему известно о Краснове и Селиванове буквально все, вплоть до интимных подробностей.

Сначала Краснов просто слушал, то уперев глаза в пол, то недоверчиво, из-под повязки, заглядывая Роману в глаза. Потом, грустно усмехнувшись, уточнил какой-то момент, в котором Шилов допустил небольшую неточность. Потом начал спорить. Потом стал спрашивать, и уже как-то так получалось, что пусть и косвенно, но все-таки он подтверждал, что показания про сорокалетнего кавказца, подошедшего к ним в кафе, – полная ерунда…

Незаметно пролетело почти два часа. В кабинете висели

пласты сизого дыма от выкуренных сигарет. В желудках тяжело бурчал кофе, которого они выпили не одну чашку.

Миша посмотрел в окно, на залитую грустным осенним солнцем широкую улицу:

– Если я начну говорить, меня в «Крестах» точно прирежут.

– Нет. – Шилов покачал головой. – Не успеют. А вот если будешь и дальше молчать – тогда да, тогда могут успеть. Убивают не того, кто уже сказал, а того, кто может сказать. Секешь разницу?

Миша долго не отвечал, продолжая разглядывать улицу за окном.

Потом повернулся к Роману:

– Можно мне с Димой поговорить?

– Зачем?

– Посоветоваться.

* * *

Помахивая папкой с дежурным набором протоколов и постановлений, следователь прокуратуры Юра Голицын прошел по пустому коридору убойного отдела и остановился перед дверью кабинета Романа. Дернул ручку, насмешливо выругался и постучал. Щелкнул замок, в коридор выглянул Шилов.

– Лепилу вызывали? – спросил Голицын, поверх плеча

Шилова глядя, как за столом напротив друг друга сидят Соловьев и какой-то молодой парень с заклеенной белым пластырем физиономией.

– Кого?

– Следака, говорю, вызывали, дело из ваших оперативных мулек лепить?

– А-а-а, ты, что ли, дежуришь сегодня? Есть Бог на свете! – Выйдя в коридор, Шилов взял Голицына под руку и буквально потащил в соседний кабинет. – Слушай, у нас тут дело века!

– Опять? – Голицын притворно схватился за сердце. – Я еще от твоего прошлого дела века не отошел. Так что ты заранее учти, я чисто по дежурству выехал, и все.

– Пойдем, банду будем брать! – Шилов распахнул дверь в кабинет Василевского и, убедившись, что задержанного там нет, протолкнул Голицына вперед себя. – Давай заходи!

Сидя за столом, Скрябин и Василевский играли в нарды.

Шилов спросил:

– Селиванов у Борьки?

– Да, явку пишет, – отозвался Скрябин.

– Нормально?

– Со скрипом, но движется.

Василевский бросил кубики и рассмеялся, торжествующе глядя на Скрябина:

– Четыре – четыре! Иди потренируйся на заднем дворе.

Скрябин, чертыхнувшись, встал и отошел. Василевский

сложил доску, убрал ее в ящик стола и тоже поднялся:

– Начальник, оченно кушать хочется. Одолжи полтинник.

– На, смотри не потолстей.

Василевский вышел из кабинета.

Шилов и Голицын устроились за столом. Шилов вытащил из кармана помятый лист бумаги с какой-то схемой, частично составленной на компьютере, а частично дополненной от руки, и начал:

– Так вот, сегодня к нам с явкой явились два воркутинских мальчика, которые следили за Герой Моцартом, но засветились и едва унесли ноги. А работали они на такого Колю Чибиса. Ты его должен знать: бывший опер в метро, был бригадиром у «тверских», а потом РУБОП нахлобучил всех его ребят и он ушел в тень.

– Припоминаю, – неуверенно заметил Голицын, пытаясь разглядеть, что нарисовано в схеме у Шилова. – Давно про него слышно не было.

– Теперь его мальчики занимаются слежкой и подбором места для стрелков. Смотри! – Шилов наконец разложил схему на столе так, чтобы им обоим было удобно. – В марте они работают за директором гостиницы «Сатурн». Результат – убит во время делового ужина в ресторане. Жора Пантелеев, лидер «чебоксарских», – третьего июня труп. Июль: Лопатин, «бригадир», – то же самое. Сентябрь – таможенник Ахматов…

– Погоди, так это ж мое дело!

– А я тебе о чем? А директор «Питер-авто» с женой – не твои?

– Ни хрена себе! – Голицын смотрел в схему, и на его лице застыла улыбка, которая бывает у людей, уже поймавших удачу за хвост, но все еще опасающихся спугнуть ее неосторожным движением.

Шилов продолжал:

– Чибис сколотил команду и принимает заказы. Группа подготовки, стрелки, прикрытие… Корпорация киллеров, мать их! Мы за один раз десяток «глухарей» поднять можем. Ну ты правда только по дежурству выехал, так что завтра доложишься руководству – и иди отдыхай…

– Да иди ты! – Голицын пихнул Шилова локтем. – Хрен куда вы от меня денетесь.

Роман и Стас с довольным видом рассмеялись. Голицын остался в прокуратуре чуть ли не единственным следователем, с которым было приятно работать.

Голицын посмотрел на них и тоже усмехнулся:

– Хватит ржать, давайте к делу. Стрелков эти ваши мальчики, конечно, не знают?

– Случайно знают.

– Да ну! И чего сидим, кого ждем?

– СОБР[3]. Неотложный обыск выпишешь? С бумажкой как-то веселее двери ломать.

– Легко! – Голицын раскрыл дежурную папку и достал

[3] Специальный отряд быстрого реагирования.

нужный бланк.

– А не торопимся? – спросил Скрябин, наблюдая, как Голицын быстро заполняет пустые графы постановления.

– Опаздываем, – вздохнул Шилов, складывая лист со схемой. – Моцарт ведь их вчера упаковал. Хорошо, если их еще не хватились.

В кабинет заглянул Василевский:

– Начальник, СОБР прибыл.

Скрябин снял с вешалки свою куртку:

– Я пошел, внизу подожду.

Голицын, продолжая заполнять бланк, между делом спросил:

– Ты все еще «и.о.» или уже на должность назначили?

– Нет еще, да я как-то и не стремлюсь. Ребята, правда, уговаривают…

– Правильно делают! Кого, если не тебя?

– Начальству виднее.

Голицын пренебрежительно хмыкнул.

Задумчиво посмотрев на него, Шилов сказал:

– Вот что, я должен сказать тебе одну вещь… – Он хотел предупредить, что Краснов и Селиванов не пришли сами, замученные угрызениями совести, а были переданы людьми Моцарта, которые их предварительно хорошенько отделали, и что неизвестно, чем этот нюанс может обернуться в дальнейшем, но Голицын его перебил:

– Ты уверен, что мне это надо знать? Я не опер, я следо-

ватель. Мне достаточно того, что я знаю тебя. Держи! – Голицын протянул заполненный бланк.

– Спасибо, Юра.

– Да не за что!

* * *

Первой в тесноватый двор старого дома заехала «альфа-ромео». Шилов и Скрябин остались в машине, а Соловьев вышел и покрутился немного, определяясь с расположением парадных и квартир. Когда он дал отмашку, Шилов со Скрябиным тоже вышли, а с улицы через узкую подворотню вкатился автобус СОБРа.

Поправляя под расстегнутой курткой лямку кобуры, Шилов дошел до автобуса, заглянул в салон:

– Значит так, орлы: клиенты серьезные, трупов наваляли немерено, терять им нечего. Есть автоматы, есть гранаты. До сих пор не попались – значит, осторожные. Так что сначала пойдут специально обученные люди в штатском, то есть мы, а пугать округу доблестным СОБРом будем в последний момент.

Старший собровец, единственный из них без закрывающей лицо черной маски, флегматично кивнул.

Шилов спрыгнул со ступеньки автобуса и посмотрел на своих:

– Ну, пошли?

– Что, старшой, окропим снежок красненьким? – проверяя пистолет, сказал Соловьев. Он всегда говорил эту фразу в таких ситуациях. Если было время, конечно.

Когда вошли в подъезд, где-то наверху скрипнула дверь и щелкнул замок.

Замерли, прислушиваясь. Услышали приближающиеся шаги. Кто-то осторожно, но, в общем-то, не таясь, спускался по лестнице.

– Стой здесь, мы наверх, – сказал Шилов Сереге.

На площадке третьего этажа им встретился высокий молодой мужчина в клетчатой кепке. У него были спокойный взгляд и простое лицо. Руки он держал в боковых карманах расстегнутой куртки и немного посторонился, пропуская шедшего первым Романа.

Пройдя мимо, Шилов слегка толкнул его плечом. Мужчина отшатнулся к стене, обернулся вслед Шилову и успел возмущенно сказать что-то вроде «В чем дело?», прежде чем Скрябин со словами: «Добрый день, милиция», показал ему ксиву и потребовал:

– Разрешите ваши документы.

– Все нормально, коллеги. – Мужчина широко улыбнулся и достал из кармана такую же бордовую корочку: – Свои!

Мельком продемонстрировав, он хотел ее убрать, но Скрябин придержал его руку и прочитал:

– Переверзев Алексей Владимирович, дознаватель УВД города Пскова…

– Случилось чего? – переводя взгляд со Скрябина на Шилова, спросил Переверзев.

Игнорируя его вопрос, Скрябин поинтересовался:

– Какими судьбами?

– Да к матери приехал, на выходные. Она в сорок первой квартире живет. Хотите поднимемся?

– Да нет, что ты, ладно. – Шилов отступил от него на пару шагов, а Скрябин, освобождая проход, пояснил:

– У нас тут разбой был в соседней парадной. Извини, брат.

– Да ну, о чем речь! Удачи! – Махнув рукой, Переверзев начал спускаться.

– Тебе также, – отозвался Роман, облокачиваясь на перила.

Когда Переверзев оказался на полпролета ниже и прямо под ним, Шилов, будто только что вспомнив, спросил, называя первое пришедшее на ум имя:

– Слышь, друг, а Сашка Шмель в «убойке» еще работает у вас или на пенсион ушел?

Переверзев отозвался мгновенно:

– Да куда он денется! Он еще нас всех переживет.

– Ну, давай, привет ему передавай! – Шилов сделал вид, что отворачивается и собирается продолжить подъем, но тут же с криком: «Берем!» прыгнул через перила на плечи «псковского дознавателя».

Сцепившись, они скатились по ступеням до площадки между третьим и вторым этажами. Оказавшись сверху, Ши-

лов нанес противнику несколько сильных ударов и намертво зафиксировал его руки, не давая вытащить из-под одежды оружие, – пока они катились, он успел почувствовать, что у Переверзева то ли в кармане куртки, то ли за брючным ремнем есть пистолет.

Доставая наручники, сверху прискакал Стас. Снизу прибежал Соловьев. Переверзев еще какое-то время пытался сопротивляться, отбрыкиваясь и стараясь вскочить, но его быстро «окольцевали» и, подняв, ткнули мордой в угол стены, после чего он перестал дергаться.

Оказалось, что его пистолет вылетел во время падения. Соловьев подобрал, осторожно держа за спусковую скобу, чтобы не насажать своих отпечатков:

– «Беретта». Хорошее табельное оружие у Псковского УВД!

– Черт! – Шилов заметил, что нагрудный карман его куртки вырван с мясом и висит на нескольких нитках. И обо что он им так зацепился? – Каждый раз попадаю на деньги!

Шилов со злостью оторвал карман целиком. Чувствуя, что по скуле стекает теплая струйка, провел там пальцем: оказалось, кровь. Рассадил кожу над левой бровью. Но это бутылочный осколок подвернулся на лестнице, когда они по ступеням катились, это он помнит, а вот карман… Лицо зарастет, а куртку придется покупать новую. Черт!

– Кто еще в хате? – Шилов толкнул Переверзева, заставляя сильнее прижаться мордой к стене.

– Сборная Бразилии по футболу, – прохрипел тот.

– Что? Стас, а ну-ка, дуй за фанатами из автобуса, сейчас будет серия пенальти!

Скрябин ломанулся вниз по лестнице.

Шилов обыскал Переверзева. Псковская ксива, бумажник, мелкие деньги. Ключи. Что ж, отлично! Теперь не придется выносить дверь или уговаривать Переверзева позвонить в хату и сказать сообщникам, что он вернулся взять чистый носовой платок. И сколько их, этих сообщников? Скорее всего, только один, но чем черт не шутит…

Появился Скрябин со спецназовцами. Командир группы, в отличие от своих бойцов, так и не надел ни маски, ни бронежилета.

– Этого – в автобус, – указал Шилов на Переверзева, и двое спецназовцев увели его, держа за руки и поторапливая короткими тычками автоматных стволов.

Поднялись к квартире. Дверь была старой, двустворчатой, с облупившейся краской и широкими щелями. Шилов прислушался: тихо, но внутри кто-то есть. При определенном опыте присутствие человека за дверью всегда можно почувствовать, даже если тот спит, ни о чем не догадываясь.

Роман достал ключи, бесшумно открыл. Длинный коридор, множество дверей справа и слева. Квартиры старого фонда часто отличаются очень запутанной планировкой, а времени подготовиться к штурму не было. Только и выяснили, что тут нет черного хода и что комнат вроде бы пять.

Шилов пропустил вперед одного автоматчика, скользнул следом, обеими руками держа пистолет. За ним в квартиру просочились еще четыре спецназовца.

Первая комната – чисто… Вторая… Туалет, ванная… Теперь кухня…

И тут они услышали шаги: кто-то направлялся из дальней комнаты в коридор.

Шедший первым спецназовец подал знак прятаться и нырнул в туалет. Шилов, стоявший около двери ванной, укрылся за ней. Остальные мгновенно заняли свободные комнаты. Беззвучно затворилась дверь на площадку, где притаились еще двое бойцов.

Мужчина в домашней одежде, лицом как-то неуловимо напоминающий задержанного Переверзева, прошел по длинному коридору и открыл дверь туалета.

На унитазе сидел бугай в черной маске и камуфляже, с автоматом на коленях.

– Занято! – рявкнул он, и мужчина, машинально пробормотав «извините», закрыл дверь, повернулся и начал отходить от туалета, туго соображая, откуда взялся этот пассажир и почему он кричит, как в общественном нужнике с неисправной задвижкой.

Он сделал только пару шагов, как дверь распахнулась и с такой силой треснула его по спине и затылку, что он полетел головой вперед на пол и не успел даже сообразить, что случилось, как на спину ему приземлился выпрыгнувший из

туалета стокилограммовый спецназовец.

Больше в квартире никого не оказалось. Шилов вложил пистолет в кобуру, промокнул кровоточащую ссадину над левой бровью. Стоявший рядом с ним командир группы указал на задержанного, который все так же, со скованными за спиной руками, лежал посреди коридора, и скомандовал одному из бойцов:

– Арнаутов, оттащи его в комнату.

Шилов посмотрел на командира:

– Арнаутову из седьмого отдела не родственник?

– Сын. Правильный, кстати, парнишка.

Шилов покачал головой: да, тесен мир! Особенно мир милицейский.

Пригласили понятых из соседних квартир, провели обыск. Квартира оказалась довольно запущенной, из пяти комнат жильцами использовались только две. Соловьев устроился за столом писать протокол, задержанный, под присмотром Арнаутова-младшего, сидел у стены.

Шилов задумчиво смотрел на него: паренек подготовленный, уже успокоился и просчитал варианты. Он не расколется, как ты на него ни дави. Разве что с Моцартом бартер устроить: отдать ему этих «псковских» в благодарность за «воркутинских». Пусть с ними Хрипунов поработает. Если они в его подвале и не расскажут, кто и как должен был застрелить Моцарта и сколько за ними всего мокрых дел, то по крайней мере в дальнейшем никого не убьют. Хороший

вариант. Экономный и по-своему справедливый. Но неприемлемый…

– Ты посмотри, что я нашел! – В комнату вошел Джексон, неся полдюжины листов бумаги с компьютерным текстом.

Шилов взял, почитал.

– Ничего себе! Это же распечатка из оперативной базы УБОП. Все на Геру Моцарта. Адреса, квартиры, офисы.

Задержанный равнодушно посмотрел, как Шилов знакомится с распечаткой, и опустил голову.

– Кто направлял запрос не осталось? – шепотом спросил Джексон.

– Нет, конечно. – Шилов быстро пролистал документы и повторил: – Нет. Все лишнее стерто, только голая информация. Даже даты нет, когда запрос делался.

– Жаль. Я бы эту суку…

– Это было бы слишком просто.

Обыск продолжался. Из-под дивана достали завернутый в несколько слоев ткани автомат с оптическим прицелом.

– На охоту собрался? – спросил Скрябин, рассматривая находку.

– Первый раз вижу, – спокойно отозвался задержанный, и лицо у него при этом было такое, как будто он раньше действительно не видел оружия. – Квартира съемная, хозяева, наверное, забыли.

Соловьев закончил писать протокол и подозвал понятых: молодого парня и женщину лет пятидесяти в каком-то тюр-

бане и в шелковом халате яркой расцветки.

– Мы вам верим, – за двоих сказала она, отказавшись читать документ, и первой поставила подпись.

– Теперь ты. – Соловьев посмотрел на задержанного.

– Я писать не умею.

– Ну и хрен с тобой. – Соловьев сделал в протоколе соответствующую пометку и объявил понятым: – Спасибо большое, вы свободны.

Парень сразу ушел, а женщина дождалась в коридоре, пока в комнате останется только Шилов, и возвратилась:

– Извините, я теперь поняла, что вы их тогда специально не забрали.

– Когда?

– На прошлой неделе, когда я милицию вызывала.

– Какую милицию?

– Из нашего отделения. У них тогда музыка громко играла, вот я и позвонила. Приехала милиция, а они дверь не открыли. А потом приехал какой-то мужчина в штатском, показал удостоверение милиционерам, и они сразу уехали.

– Вы этого мужчину запомнили?

– Нет, я его только в «глазок» со спины видела. Я жалобу написала: как же так, они безобразничают, спать не дают, а он их покрывает? Но теперь я жалобу отзову. Я теперь поняла, что такое оперативная комбинация.

– Что?

– Ну, я же слышала, как тот мужчина милиционерам ска-

зал: «Управление по организованной преступности. Вы срываете нам оперативную комбинацию».

Глава 6

– У Чибиса есть кто-то из ваших. – Миша Краснов сидел в кабинете у приставного столика напротив Шилова. – Это точно.

Разговор велся один на один. После обыска прошло несколько часов. За окном сгустились вечерние сумерки. В пепельнице дымился непотухший окурок, перед Красновым и Шиловым стояло по кружке кофе, на листе бумаги лежали куски шоколадного торта.

– Почему ты так думаешь?

– Когда мы работали с радиостанциями, он нас всегда жестко инструктировал, на каких частотах нам нельзя сегодня выходить в эфир. А потом он принес копию протокола допроса.

– Какого?

– Ну, меня срубили там… при слежке по таможеннику. А когда его… того… Чибис принес протокол, где меня охрана описывала: я засветился возле их конторы. Дал почитать и говорит: еще раз – и в землю.

– Суровые меры дисциплинарного воздействия.

– На самом деле, – Миша шумно отхлебнул кофе и посмотрел на Романа из-под повязки на лбу, – я все время этого ждал… Меня скоро в «Кресты»?

– Боишься?

– Есть немного.

– Я о тебе позабочусь. Если не настаиваешь на «Крестах», отправим тебя в «четверку» на Лебедева. Там спокойнее.

– Спасибо. А вы ко мне еще придете?

– Обязательно.

– Спасибо. – Миша взял кусок торта – и замер, подняв глаза на Шилова. – Я еще вот чего вспомнил: я один раз Чибиса вез на «стрелку», там ему позвонили, и он повернул обратно. А на «стрелке» всех мусора приняли… Извините. УБОП, по-моему. Чибис еще говорил по телефону: «Спасибо, Фельдмаршал, с меня звезда на погон».

– Значит, Фельдмаршал? – уточнил Шилов, нехорошо усмехаясь.

* * *

В кабинете Василевского кроме хозяина были Соловьев, Скрябин, следователь Голицын и два собровца. Они сняли маски, и Шилов отметил, что один из них немного похож на Арнаутова-старшего. Взгляд, во всяком случае, точно такой же, несмотря на разницу в возрасте и служебном положении. Надо полагать, это и есть тот самый «правильный парнишка», как его охарактеризовал командир группы. Что он тут делает? Пришел постигать азы оперативной работы?

Голицын поднялся из-за стола:

– Ну что, ничего нового?

Шилов отрицательно покачал головой.

– Тогда я полетел. Если что – звоните, сразу примчусь. Всем пока! – Голицын вышел из кабинета.

– А у вас чего нового? – Шилов посмотрел на коллег.

– Есть два адреса Чибиса, но они старые. – Соловьев, присев на край стола, листал прошлогодний блокнот с рабочими записями.

– Может, в УБОП позвонить? – предложил Скрябин. – У них на него дело было.

– В УБОП? А у кого дело?

– У Карташова в отделе.

– У Иваныча? – Шилов обрадовался и достал сотовый телефон. – Так это же совсем другое дело!

Как и Арнаутов, Карташов тоже давно служил в органах, заработал репутацию крепкого профессионала и занимал должность начальника одного из отделов Управления по борьбе с оргпреступностью. Но, в отличие от «железного дровосека», сабельным атакам на криминал он предпочитал изящные оперативные игры, а отношения с коллегами и руководством строил на гибкой основе. И еще: если Арнаутов мечтал продолжить карьеру, то Иваныч в последнее время все чаще поговаривал о том, что устал и что, наверное, скоро свалит на пенсион, благо выслуга позволяет в любой момент это сделать.

Из всех убоповских начотделов Карташов был Шилову наиболее симпатичен. Да и не только Шилову…

– Алло, Иваныч, узнал? Извини, что в субботу… На работе? Так я подскочу тогда прямо сейчас, дело есть!

Небольшой кабинет Карташов делил с двумя сотрудниками: молодым улыбчивым Петрухой и ветераном отдела с уважительным прозвищем Дядя Вася. Если рослый и полноватый Петруха обликом, в принципе, соответствовал громкому названию Управления, то невысокий, жилистый и неприметный Дядя Вася больше напоминал опера из тихого отдела по борьбе с карманными кражами.

Когда Шилов вошел, Петруха за своим столом слева от двери разбирал коробку с какими-то видеокассетами, а Дядя Вася, спустив на кончик носа очки, выписывал из чьих-то записных книжек адреса и телефоны за столом у противоположной стены.

Сидя у окна с дымящейся трубкой и стаканом чая в мельхиоровом подстаканнике, Карташов напоминал шахматиста, обдумывающего партию. Правда, это впечатление портили лежащие перед ним пистолет в обмотанной ремнями плечевой кобуре и фототаблицы расчлененного трупа.

– Всем привет! – Шилов поздоровался с каждым за руку и уселся на стул спиной к окну. – На город опустилась ночь, и в стране дураков закипела работа. Ну ладно, мы – Богом обиженные, а вы-то чего?

– Будешь смеяться: порностудию навернули. – Карташов привычным движением положил трубку в специальную пепельницу, а Петруха, демонстрируя вытащенную из коробки

кассету, весело предложил:

– Хочешь побаловаться? «Горячие кобылки из 10-го „А“».

– Предпочитаю живьем и постарше.

– С шестнадцати лет уже можно.

– Вы отдел по борьбе с бандитизмом или полиция нравов?

– А как скажешь! – усмехнулся Иваныч. – Если с меня будут и дальше так требовать «палки», я нарушениями правил дорожного движения начну заниматься… Ну, что у тебя стряслось?

– Хотим Чибисова задержать.

– О как! – Иваныч одобрительно кивнул. – Реальная тема?

– Сто пудов. Есть адреса, но старые. Где он сейчас может дохнуть?

– По-моему, на Московском живет. Дядя Вася, Чибис так возле Парка Победы и обретается?

– Дом сто пятьдесят пять, четвертый этаж, окна на обе стороны, дверь железная, – глядя поверх очков и продолжая листать записную книжку, ответил Дядя Вася. – Черного хода нет.

– Дядя Вася давно им занимается, – прокомментировал Карташов. – С тех пор как всю бригаду повязали, а Чибис сорвался. Если возьмете его – у нас тоже пара материалов есть в загашнике. Сыроватые, правда, но до кучи сгодятся… А ведь он когда-то вместе со мной опером работал в метро. Уже тогда паскудный был парень. Его жестко брать надо, наверняка станет сопротивляться.

– Ну спасибо! Ладно, полетели мы. – Шилов поднялся.

– Удачи.

Петруха, продолжающий ковыряться с кассетами, хмыкнул:

– Орден тебе обеспечен.

– Ага, с закруткой на спине. На меня Арнаутов уже такую блевотину шефу вылил…

– Ну не нравишься ты ему, противный, – манерно сказал Карташов, и все рассмеялись.

– А что, если мне телогреечку рваненькую и ботиночки скороходовские надеть, он бы меня полюбил? И так уже, как гаврош, хожу. – Шилов хлопнул ладонью по оторванному карману куртки.

– Сам понимаешь…

– Понимаю, просто достало все. Ты-то с ним как?

– Параллельно.

– Счастливый!

Пока Шилов шел к двери, Карташов задумчиво смотрел ему вслед и окликнул, когда Роман уже был на пороге:

– Не против, если я с тобой съезжу? В сводку не попрошусь, просто у меня с Чибисом личные счеты. Может, погорячему расколем?

– Да поехали!

Арнаутов разговаривал с Кожуриной по городскому телефону. В ее голосе звучала грусть, которую она безуспешно пыталась маскировать иронией:

– Вот видишь, как удобно любить трудоголика. Всегда знаешь, где его можно найти. Значит, тебя сегодня не ждать?

– Извини, тут тема серьезная поднялась.

В приоткрытую дверь кабинета заглянул сын:

– Привет! Смотрю – свет горит. Тебя чего, тоже на Чибиса припахали?

– Таня, я перезвоню. – Арнаутов положил трубку. – Чибиса?

– Ну да, едем какого-то Чибиса брать.

– Какого-то! – Арнаутов-старший презрительно фыркнул. – Салага! С кем едете-то?

– С Шиловым из убойного.

– С Шиловым? – Арнаутов с непонятным выражением посмотрел в стену. – Будь осторожен. Картошки купил?

– Чего? А-а-а, ты про это! Когда, бать? Я ведь на дежурстве.

– А до этого? Значит, опять будешь макароны жрать?

– Значит, буду. Ну ладно, батя, я побег.

Паша Арнаутов ушел, а его отец выругался и тяжело навалился локтями на стол, глядя перед собой в одну точку.

* * *

Чибис сидел в квартире на Московском проспекте и смотрел телевизор. Шел сериал «Тайны следствия». Подозреваемый объяснял следователю Швецовой, что на совершение

преступления его подвигла социальная несправедливость: ему не хватает денег на водку, а потерпевшая была вся расфуфырена и благоухала дорогими духами.

Посмеиваясь над убогостью мотиваций кинематографического злодея, Чибис перегнулся через подлокотник кресла и поднял с пола сотовый телефон, который давно подавал сигнал вызова:

– Да.

– К тебе гости. Уходи из квартиры, – услышал он незнакомый молодой голос, и хорошее настроение мгновенно сменилось паникой.

Чибис подскочил к окну и посмотрел во двор. Метнулся в соседнюю комнату, окно которой выходило на улицу. Вроде все чисто. Торопливо рассовав по карманам деньги и документы, замер у двери, глядя в «глазок» и прислушиваясь. Кажется, никого. Или они уже поднимаются, и он нос к носу столкнется с ними на лестнице?

Выскочил из квартиры, перегнулся через перила. Ни СОБРа, ни оперов. Только соседка из верхней квартиры спускается, ведя на поводке лохматую собачку.

Чибис побежал вниз, сжимая рукоять заткнутого за ремень пистолета. На повороте лестницы чуть не сшиб соседку. Девушка увернулась, собака рассерженно тявкнула.

Прихватить, что ли, бабу с собой, чтобы использовать как живой щит, если во дворе окажется засада?

Ладно, нет внизу никого, он это чувствует. Так что пусть

девка пока поживет, пускай топает выгуливать свое лохматое счастье.

Выбежал из дома и вдоль стеночки, пригибаясь под окнами, добежал до угла. Отдышался, разглядывая свою машину. За лобовым стеклом ритмично мигал красный светодиод сигнализации. Чибис достал брелок, беззвучно отключил режим охраны. Дважды вспыхнули фары, показывая, что в отсутствие хозяина на машину никто не покушался. И рядом с ней как будто никто не прячется. Вперед!

Чибис выехал с неохраняемой парковки и, крутанувшись вокруг дома, занял такую позицию, чтобы с приличного расстояния и из темноты хорошо видеть подъезд. Заглушил мотор, выключил фары. Стал ждать.

Прошло пятнадцать минут, и во двор въехали три машины. Вслед за ними подтянулся и автобус ПАЗ с тонированными стеклами и открытой боковой дверью. Из машин, беззвучно закрыв двери, вышли люди в гражданке, из автобуса высыпали одетые в серый камуфляж спецназовцы с автоматами. Когда они проходили освещенный участок двора, Чибис некоторых узнал. Карташова, Шилова и двух оперов его отдела.

Надо же, какая представительная команда пожаловала! И все хотят его крови. Хрен им! Может, они его когда-нибудь и поймают, но не сегодня.

Интересно, что они будут делать? Целовать закрытую дверь квартиры или решатся взломать и войти? Пусть лома-

ют, пусть входят и роются там хоть до посинения. Ничего важного в хате он не оставил…

А вот и соседка. Спешит домой, волоча на поводке упирающуюся собаку. Сейчас их на лестнице ждет сюрприз в виде реалити-маски-шоу. Собаке-то хорошо, она облегчилась, а вот хозяйка, может, и обделается со страху.

Наверняка она его заложит ментам. Скажет, что видела, как он несся по лестнице, не разбирая дороги. Ну и что это им даст? Догадаются, что его кто-то предупредил? Пусть догадываются сколько угодно, все равно им не вычислить, кто звонил!

Через пять минут вышли собровцы, Карташов, Шилов и незнакомый оперативник. Собровцы погрузились в автобус и отчалили первыми. Карташов пожал Шилову руку и укатил на служебной «волжанке». А Шилов, уперев руки в бока, еще какое-то время стоял возле своей «альфа-ромео» и вертел по сторонам головой, будто догадываясь, что враг где-то рядом и из темноты посмеивается над ним.

Чибис достал телефон и по памяти набрал номер:

– Алло, Фельдмаршал? Давай решай что-нибудь с этим Шиловым, а то я чувствую, проблемы только начинаются!

Глава 7

Когда Шилов вернулся домой, Юля уже спала, прикорнув на диване в гостиной.

Он постоял, глядя на нее с усталой улыбкой, потом выключил телевизор и ушел на кухню.

Стол был красиво сервирован, толстые свечи догорали в большом низком подсвечнике. На сковороде остывало мясо со сложным гарниром. Шилов налил в бокал красного сухого вина и начал есть прямо со сковородки.

– Привет! – вошла Юля. Лицо у нее было заспанное и слегка виноватое, на щеке краснело пятно от подушки. Одета она была в длинную темно-синюю рубашку из его гардероба. – Надо было меня разбудить.

– Ты так сладко спала, что я не решился.

– Ты меня второй раз поражаешь своей деликатностью. – Подойдя ближе, Юля разглядела ссадину над его левой бровью: – Что это, бандитская пуля?

– Угу. – Жестом обозначив тост в честь Юли, Шилов допил вино и подцепил со сковородки очередной кусок мяса.

Подождав, пока он доест, Юля отобрала вилку и бокал, усадила Шилова за стол и рассмотрела ссадину. Достала из холодильника водку, смочила салфетку, протерла кожу.

– Заметь, я героически не издал ни звука.

– Да, мальчик ты тихий. – Юля грустно вздохнула. – Толь-

ко мне, наверное, стоит жилье поискать.

– А что, тебе здесь не нравится?

– Привыкать не хочу. Тебя убьют, а я что, на улицу? – Встав позади стула, на котором сидел Шилов, Юля обняла его за плечи, прижалась щекой.

– Да, ты добрая девочка. Но ничего, сходим к нотариусу, оформим на тебя завещание.

Юля поцеловала его:

– Шуточки у тебя!

– Я не шучу. Ты слышала что-нибудь про любовь с первого взгляда?

– Девчонки в школе рассказывали. И муж еще рассказывал. С розами в зубах. А когда я сегодня пришла за вещами, он меня в квартиру не пустил.

– Штурмом возьмем. – Взяв Юлю за руки, Шилов притянул ее ближе к себе.

– Нет уж, я сама как-нибудь. – Она поцеловала его. – Ты руки мыл?

– Да я бы и ванну принял.

– Я ее тебе сейчас приготовлю.

Юля ушла, Шилов остался сидеть. Налил еще вина, выпил, задумчиво смакуя каждый глоток. Усмехнулся каким-то мыслям, встал и пошел в спальню, на ходу освобождаясь от наплечной кобуры с тяжелой «береттой».

Когда он, уже сняв уличную одежду, зашел в ванную комнату, все почти было готово, и Юля проверяла рукой темпе-

ратуру набранной воды.

Роман осторожно обнял ее, и они замерли.

– Обо мне давно так никто не заботился, – прошептал он.

– Обо мне тоже, – отозвалась она. – Только сегодня больше не убегай никуда, ладно?

* * *

Кабинет начальника Управления собственной безопасности Виноградова напоминал офис средней руки торговой компании, а сам Виноградов, удобно устроившийся в кожаном кресле с докладной запиской в руке, – директора этой самой компании, привыкшего понтоваться перед партнерами и занижать размер прибыли перед налоговой. Костюмчик, галстук, узенькие очочки, часы и перстень на пальце – неброские, но добротные, для понимающих.

Прочитав докладную, Виноградов положил бумагу на стол и посмотрел на Арнаутова, который сидел у окна и пил кофе с такой решимостью, словно в чашку был налит неразбавленный спирт.

– Николай Иваныч, твой отдел разрабатывает лидеров оргпреступности или руководителей милицейских подразделений? – как всегда, мягким тоном спросил Виноградов, когда Арнаутов наконец поставил опустевшую чашку. – Решил отобрать у нас кусок хлеба?

Арнаутов жестко усмехнулся:

– Почему? Передаю, так сказать, по подследственности. Заниматься этим подонком мне не с руки. Таких огнем выжигать надо.

– Мы не инквизиция. Следить за чистотой рядов и охотиться на ведьм – это разные вещи.

– Он на бандитов практически в открытую работает.

– Да, Шилов еще тот фрукт. Ведет себя вызывающе. – Виноградов покосился на докладную, в которой подробно перечислялись все факты, вызвавшие подозрения Арнаутова. Бумага – бумагой, но теперь Виноградову хотелось услышать от Арнаутова то же самое, но уже в устной форме. Официальные документы не отражают нюансов, которые обязательно прорисовываются в ходе непосредственного общения. Что, например, заставило Арнаутова подать докладную? «Железный дровосек», конечно, известен своим непримиримым отношением ко всяким оборотням в погонах, но только в этом ли дело? Может, они с Шиловым просто что-то не поделили, и теперь Арнаутов стремится устранить конкурента, используя возможности УСБ? Конечно, если факты найдут подтверждение, на личную мотивацию можно плевать. Разоблаченный руководитель отдела угрозыска – очень весомый показатель на лицевой счет УСБ. Но если между ними идет личная неприязнь, не удастся ли и от Шилова получить компромат на соперника? Один высокопоставленный оборотень – хорошо, но два – вдвое лучше. Даже не вдвое, при таких раскладах уже геометрическая прогрессия начинается…

– Один его ствол чего стоит, – буркнул Арнаутов в ответ на «…фрукт, ведет себя вызывающе…».

Виноградов мягким голосом отклонил обвинение:

– Именная «беретта» с правом ношения. Формально, нарушений нет.

– Это он нам всем вызов бросает, что мы ему не ровня. В бильярд на деньги играет.

– Согласен, такое поведение не красит офицера милиции. Но это еще не основание…

– Да какие еще нужны основания? Гера-Моцарт его руками свои проблемы решает! Они с Чибисом бизнес не поделили, так он решил ручного мента на него натравить.

– Это все эмоции. А есть заявление Краснова и Селиванова, что сотрудники убойного отдела выбивали из них показания?

– Будут!

– Вот тогда разговор и продолжим. Шилов – тертый калач. Как к нему ни относись, а опер он серьезный и обкладывать его нужно качественно. Я могу начать такую работу только с фактами на руках. – Виноградов поднялся из-за стола, давая понять, что разговор считает законченным. – Спасибо за помощь. Да, и поздравляю с полковником! Стране нужны честные кадры.

– Были бы нужны – платили бы больше. – Арнаутов ушел.

Виноградов сел в свое удобное кресло и подумал, кого бы подключить к делу. Хоть он и говорил Арнаутову, что начнет

работать, только заполучив конкретные факты, а провести подготовочку не помешает.

Так, кому бы это поручить? Федорову? А что, для него в самый раз. Исполнителен и туповат, лично предан начальнику. Может ненароком подставить, но никогда не пойдет на осознанное предательство.

Виноградов нажал кнопку селектора:

– Зайди ко мне.

Федоров появился тотчас же, как будто дежурил за дверью.

Покачиваясь в кресле, Виноградов распорядился:

– Значит, так: Шилов, Роман Георгиевич. Временно исполняющий обязанности начальника убойного отдела. Все, что есть по нему, мне на стол к семнадцати часам.

Выйдя в коридор, Федоров почесал затылок: «Во неделька началась! Что ж будет дальше?»

* * *

Шилов зашел в бюро пропусков Следственного изолятора № 4 на улице Лебедева, наклонился к окошку, за которым сидела симпатичная девушка в форме сержанта:

– Аллочка, привет! Выпиши мне в оперчасть к Егорову.

– Что-то, я смотрю, ты к нему зачастил.

– Может, у меня с ним любовь?

– Любовь! Сразу видно, что любовь, – вон какие синяки

под глазами. Ты когда женишься, Шилов?

– Только когда окончательно решу свести счеты с жизнью.

– Трепло. – Алла выдала пропуск, и Шилов направился к проходной.

Сдав удостоверение, оружие и сотовый телефон, он прошел на территорию изолятора и поднялся на второй этаж административного здания. Дверь в кабинет Егорова была заперта, но изнутри доносились приглушенные голоса. Шилов постучал и сказал, наклонившись к замочной скважине:

– Откройте, милиция!

Открыл Егоров – крепкий, выглядевший старше своих тридцати пяти лет мужчина в зеленой форме «внутренней службы» с майорскими звездами на погонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.